

АРИНА ПРЕДГОРНАЯ
ЛАНА КАМИНСКАЯ

ПОДАРИ
МНЕ
Вереф

Арина Предгорная
Подари мне вечер

«Литнет»

2023

Предгорная А.

Подари мне вечер / А. Предгорная — «Литнет», 2023

У Эйверта есть всего один вечер, чтобы избежать женитьбы на девушке, которую он не выносит. Но тогда ему придётся бросить любимое дело и целиком посвятить себя семейному бизнесу. И то, и другое для него хуже смерти. У Аннабеллы есть всего один вечер, чтобы избежать отчисления из академии. Если не получится, то её магический дар запечатают. И то, и другое для неё – настоящая катастрофа. Их знакомство началось с взаимной неприязни, но ради своих целей они попробуют потерпеть друг друга. Всего один вечер. В книге присутствуют сцены употребления алкоголя. Автор напоминает: курение и чрезмерное употребление алкоголя вредят вашему здоровью.

© Предгорная А., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	38
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Глава 1

Уши никогда его не подводили. Если начинали гореть, как от укуса комара, – жди дурных новостей. И сразу закрывайся у себя в кабинете, ведь это единственное место, где можно спокойно, без посторонних, облегчить свои страдания, поднырнув пальцами под волосы и с ожесточением потеряв зудящую кожу. Один раз. Два... Много раз.

А день так хорошо начинался!

Отмена первой пары у третьекурсников, разгильдяев и оболтусов, но подающих большие надежды будущих заклинателей, освободила целое утро, которое он провёл за чашечкой крепкого кофе и плотным завтраком, почти таким, как дома.

Перекусить в миленьком кафе «Голубка» с нарочито простым интерьером, парой белоснежных птиц, украсивших двери, вышколенной обслугой и кухней на самый притязательный вкус, как оказалось, мог позволить себе не каждый. Эйверторн мог и позволял с удовольствием.

Заведение недавно открылось возле парка, в котором он любил гулять в редкие свободные часы. Свежим прохладным утром на парковых дорожках, обрамлённых цветущими деревьями и фигурно подстриженными кустами, почти никого не было, и он охотно прошёлся бы кружок-другой вдоль живописного пруда с лебедями, посидел на белой скамеечке рядом с кружевным горбатым мостиком, но желудок настойчиво просил еды.

Отдав должное омлету из яиц краснобрюха, украшенному горсткой прыткого зеленого горошка и веточкой кудрявой петрушки, Эйверторн щедро расплатился и ненавязчиво поинтересовался у официанта, как часто бывала в приглянувшемся ему кафе одна прелестная незнакомка в кокетливой шляпке. Ни широкие поля, ни крупные шёлковые цветы не помешали ему разглядеть большие миндалевидные глаза восхитительного шоколадного оттенка, а быстрая улыбка, мелькнувшая на чуть тронутых розовой помадой губах, оставляла надежду на знакомство. Обслуга в «Голубке», как успел убедиться Эйверт, была вышколена по высшему разряду, но блеск новенькой монетки, небрежно зажатой в пальцах, развязал официанту язык. Понизив голос, молодой человек в форменной жилетке с вышитым голубем вспомнил, что видел девушку дважды: она приходила в послеобеденный час и занимала один и тот же столик, вон тот, возле второго справа окна. Приходила не одна, в компании подружек или сестёр, и ещё: попросила забронировать для неё тот же столик в ближайший выходной, в то же время. Эйверторн кивнул – монетка ловко переключалась в карман официанта. Что ж, если за четыре дня никто не завладеет его вниманием сильнее девушки с горьковато-сладким шоколадом во взгляде, то он наведается в это кафе ещё раз.

Кареглазую прелестницу Эйверторн заметил ещё на прошлой неделе в парке. Спрятавшись от солнца под зонтиком, она в компании двух барышень примерно одинакового возраста с любопытством разглядывала недавно установленные на центральной аллее скульптуры. Эйверторн придержал шаг, окинул незнакомку заинтересованным взглядом, не забыв и про её приятельниц, тоже юных и миловидных, но сильно уступавших подруге по элегантности и изяществу.

Живо обсуждая работы скульптора, чью знаменитую фамилию Эйверт тут же забыл, барышни проследовали напрямик к «Голубке», куда, собственно, направлялся и он сам. В тот раз они тоже облюбовали столик у второго справа окна, и Эйверт получил возможность оценить всю прелесть хорошенького личика и мелодичность голоса. А потом подозвал официанта, другого, не сегодняшнего, и тихим голосом сделал заказ.

Через несколько минут на столик барышень поставили блюдо с фирменными шоколадными пирожными, и тогда Эйверторну достались и удивлённо-оценивающий взгляд, и быстрая вежливая улыбка. На последнюю он ответил лёгким наклоном головы. Без лишнего кокетства и кареглазая красotka, и её подружки принялись за угощение, а Эйверт незаметно за

ними наблюдал, не забывая наслаждаться вкусом заказанного для себя блюда. Он не собирался терять время и по окончании трапезы хотел подойти и завести с приглянувшейся ему красоткой разговор, даже заготовил несколько удачных фраз, но в этот момент ему в руки упал почтовый шмель. Эйверт досадливо дёрнул уголком губ, вчитался в послание и задумался над ответом, который следовало дать немедленно. А когда отправил ответ, с досадой обнаружил, что незнакомка успела покинуть заведение. Пришлось проводить вечер в одиночестве.

Но Эйверторн не был бы самим собой, если бы так просто сдался. За свои неполные двадцать семь лет он знал достаточно девушек и останавливаться не собирался, однако был избирателен и абы за кем не охотился. Предпочитал лишь самых привлекательных, таких, про которых можно было сказать, что по вкусу они – как тот самый яблочный пирог, который каждый день подавали в «Голубке»... Хотя, если задуматься, пирог-то был всегда выше всяческих похвал и никогда не разочаровывал, чего нельзя было сказать о девушках. Последние бывали разные: болтливые, ветреные, застенчивые, доверчивые, остроумные... Но одно у них было общее: ни одна из них долго у Эйверторна не задерживалась. И Эйверта подобное положение дел устраивало. Теперь вот список пополнится обладательницей прекрасных шоколадно-карих глаз, когда, конечно, станет известно её имя. Возможно, это случится уже в эти выходные, не зря же он потратил столько времени и денег на расспросы! Да... утро и правда выдалось замечательное, вот только зуд всё испортил.

Первый укус ужалил во время занятия: Эйверт дёрнул ухом, скривился и сразу же прикинул, с какой стороны ждать неприятностей. Профессор Марсен снова забыл о долге, и придётся напоминать ещё раз? В расписании изменения, и ему поставили дополнительные пары?

А мазь, как нарочно, закончилась; в перерыве между парами Эйверторн выковырял из баночки последнюю каплю пахучей, отдающей мятой, изумрудно-зелёной массы, успел сходить к Шайну в целительское крыло, и тот пообещал изготовить новую порцию вот прямо сейчас, но забрать мазь можно будет лишь спустя часа три, не раньше. То есть только после обеда. Так что следующие полтора часа сопровождалась пренеприятно горящей кожей и попытками скрыть мученическое выражение лица.

По окончании занятий у второкурсников Эйверт вышел из аудитории последним: дождавшись, когда за последним студентом закроется дверь, с тихим шипением почесал сначала одно, потом второе ухо, от души пожелав одной древней мстительной остроухой даме крайне беспокойного посмертия. Он точно знал, что наславшая проклятие эльфийка отправилась к праотцам ещё в позапрошлом столетии, и порой, во время жесточайших приступов, желал ей адовых мук, хотя сам особой мстительностью и кровожадностью не отличался. Прикрыв полыхающие уши волосами, поспешил укрыться в своём кабинете: до обеда оставалась где-то треть часа, преподавателям накрывали столы чуть позже, нежели вечно голодным студентам.

У себя Эйверт первым делом налил воды в глубокую керамическую плошку, поводил над ней ладонью, пока не возникла плотная ледяная корочка, нетерпеливо собрал лёд в аккуратно сложенный носовой платок и приложил его к зудящей коже. Блаженно выдохнул. Посудина в весёленький беленький цветочек уже не раз выручала его: о своевременном пополнении запасов мази Эйверторн нет-нет да забывал, а морозить воду в кувшине или чашке оказалось не так удобно.

Переложив получившийся пузырь со льдом к другому уху, Эйверт взглядом подтянул к себе стопку тетрадей: успеет проверить парочку до начала обеда. Если он верно помнил, сегодня в столовой пирожки. Пирожки он любил.

Не успел.

Оставшаяся вода в плошке вздыбилась, забулькала, полопалась чередой пузырями и потеряла прозрачность. Над поверхностью поплыли переливающиеся перламутром блики. Они веером расползлись в стороны, а через мгновение над столом развернулось объёмное изоб-

ражение, с каждой секундой становясь всё более чётким. Женщина с кудрявыми волосами, собранными в затейливую причёску, неуверенно заморгала, вглядываясь в сидящего за столом Эйверторна. Того вполне устроил бы почтовый шмель, но не все с этим способом связи были согласны. Шмеля проигнорировать проще.

– Эйверт, здравствуй, – улыбнулась женщина. – Я не оторвала тебя от занятий? Если я правильно посчитала, у тебя сейчас перерыв.

Он вернул ей дежурную улыбку, за которой скрыл удивление: если мама сверялась с его расписанием, значит, дело серьёзное. Отложил завёрнутый в платок лёд; ушам немного полегчало.

– Мама. Я как раз собирался на обед.

– Это хорошо, тебе нужно как следует питаться, ты такой бледнень...

– Мама, что-нибудь случилось?

– Прости, – другим тоном заговорила госпожа Иветта. Перламутровые блики на поверхности воды полопались пузырьками, исказив благородный облик дамы. – Я тревожу тебя вот по какому вопросу: когда ты приедешь домой? Мы так давно не виделись.

– Не далее как на праздновании твоих именин, – возразил Эйверт нетерпеливо.

Месяца три назад, совсем недавно; при воспоминании о разговорах того дня у него начали ныть все зубы разом.

– Вот именно, так давно! Приезжай в ближайшие выходные! Устроим чудесный семейный ужин, я велю приготовить твоё любимое мясо под сырной корочкой, и бабушка...

И бабушка. Бабушку Эйверторн любил и уважал, но предпочитал ограничивать общение. У остальных не было выбора.

– Бабушке мои наилучшие пожелания и великолепного самочувствия. Я не могу в эти выходные, мама. Прощу меня извинить, мне надо идти.

Госпожа Иветта растерянно оглянулась назад, вдохнула для новой порции слов, но Эйверт провёл над зеркальной водой ладонью и погасил изображение.

Неприятно дёрнулось веко. Передвинув плошку с водой подальше от студенческих тетрадей, Эйверторн поднялся, но над поверхностью воды снова закурился перламутровый дымок. Желание поскорее съесть пирожок становилось нестерпимым, однако надежда успеть ухватить себе хотя бы один, наоборот, таяла. Опустившись на стул, Эйверт дунул на дымные перламутровые завитки. Из воды немедленно показалось лицо отца, и его выражение напоминало физиономию второкурсника, вызванного к доске отвечать невыученное заклинание отражения. Та-а-ак.

– Папа? – дежурно улыбнулся Эйверт. – Я вообще-то поесть собирался и очень переживаю, что на мою долю не останется выпечки. Мы можем перенести твой вопрос на другое время? Послать шмеля тоже эффективно, я постараюсь ответить как можно ско...

– И я рад тебя видеть и слышать, мой мальчик. Что ж, буду краток: мне нужна твоя помощь, точнее, консультация по одному важному вопросу. Не сейчас! – поспешно добавил отец, заметив, как скривился Эйверторн. – Вопрос важный, но несколько дней терпит. Лучше при личном присутствии. Приезжай домой, Эйверт.

– В ближайший выходной? – уточнил тот с непонятной ухмылкой. Волосы защекотали кончик уха, и пришлось их поправить.

– Да! Это было бы очень удобно! У нас планируется душевный семейный ужин, все свои, можно сказать, узкий семейный круг, а я...

– Узкий семейный круг? – поднял бровь маг. – И о ком же, помимо нашей семьи, так можно сказать?

– Ну-у-у... Эйв, тебе, правда, следует приехать, а я заодно покажу тебе...

– Папа?

– Господин Манхельм приглашён, а ты прекрасно знаешь, что для нашей семьи он всё равно что...

– Приглашен с дочерью? – ядовито уточнил Эйверт, сверля глазами колыхающуюся напротив проекцию.

– С дочерью, – преувеличенно-бодро подтвердил отец. – Но Эйв, мой вопрос действительно касается трактата, обнаруженного мной в библиотеке, и сведения в нём...

– Папа, я по древним трактатам не эксперт, – перебил Эйверт, начиная раздражаться. – Обратись к деду, он точно подскажет. А ужин как-нибудь в следующий раз, в эти выходные я занят. У вас, к тому же, и без меня намечается тёплая душевная компания.

– Эйв...

– Я поспешу к пирожкам, папа. Любимым родным и близким – сердечный привет от меня.

Проведя ладонью над плоской, досадливо передёрнул плечами: сердечности в его тоне было примерно столько же, сколько в кубике льда. Вызовы, следующие один за другим, не нравились, как и вытасченное из отца упоминание славной фамилии Манхельмов.

Вскочив из-за стола, Эйверт добрался до двери, но сзади вдруг деликатно кашлянули. Эйверт закатил глаза и нарочито медленно обернулся.

– Дедуля, – кивнул он парящей над водой проекции. – Вы... издеваетесь?

– Мы соскучились и жаждем лицезреть тебя под гостеприимным семейным кровом. Весьма огорчён, что это не взаимно.

Говоря без капли заискивания, дед тем не менее лицом был напуган и даже один раз обернулся через плечо, будто за спиной кто-то стоял.

– От бабушки тоже следует ожидать вызова?

С бабушкой было сложнее всего. Сопротивляться её тонким манипуляциям выходило не всегда; не год и не два любящий внук наращивал броню, чтобы закрываться от чередования вкрадчивых увещаний и откровенного шантажа.

– Бабушке нездоровится, – скорбно сообщил дед. – Приступы становятся всё тяжелее и продолжительнее, она опасается, что... – он сделал эффектную паузу и потёр глаза.

«Да она всех нас вместе взятых переживёт!», – подумал Эйверторн, тоскуя по нежным пирожкам, которых ему, судя по всему, уже не достанется, а вслух произнёс, придав голосу немного мягкости:

– И вы все хотите, чтобы я как можно скорее навестил бабулю. А как же намечающийся ужин с гостями? Если ей так плохо, то не лучше ли перенести приём на...

– Ты же знаешь нашу бабушку, Эйво! Ради семейного праздника да твоего появления она способна и из могилы вос... ой, то есть...

Эйверт подавил смешок.

– Дед, я слышал каждого из вас, но, во-первых, что-то вы темните с этим ужином, а во-вторых, именно в эти выходные я никак не могу, очень занят. Бабушке я напишу, а приеду в самое ближайшее время. На следующей неделе у меня, возможно, будет свободный день, тогда и... Что?

Пожилый мужчина с ушами, похожими на его собственные, тягостно вздохнул и поднял на внука не потерявшие яркости глаза.

– Выслушай меня, внучок. Лучше тебе скажу я – бабушка высказалась бы иначе. Но, скажу я тебе, я лично ничего ужасного в этих планах не вижу. В конце концов, в наших кругах так принято, да и договор имеет место быть, так что...

У Эйверта не то что уши – всё внутри оборвалось и зачесалось от неприятного предчувствия.

Ну, правильно, там, где упомянуты Манхельмы, хорошего не жди.

– Какой договор, дед?

– Бабушка позвала на ужин господина Гаспара, как ты, должно быть, уже знаешь. С Милардой, его дочкой. Единственной и горячо любимой.

– Та-ак, – уронил Эйверт.

– Милочка – очень милая девочка, – как-то заискивающе улыбнулся дед.

Ни разу Эйвертон не видел Миларду Манхельм милой. Но её имя во время его визитов домой звучало с пугающей регулярностью, и это было одной из причин, почему он старался пореже навещать родителей.

– Я давно её не видел. Не исключаю, что за прошедшее время госпожа Манхельм приобрела определённую... некоторую... некоторое очарование, – осторожно высказался любящий внук.

– Вот, – подхватил дед обрадованно. – И бабушка так мечтает о вашем союзе! Да что бабушка, я сам с радостью отпраздную твою свадьбу, Эйво! Миларда Манхельм – отличная партия!

Эйверторн дёрнулся, схватился за дверной косяк.

– Какая свадьба, дедушка?!

– Так ваша с Милочкой! О которой отец твой с господином Гаспаром ещё тогда сговорились! Так вот теперь очень удобный случай представляется: Манхельмы приедут, ты приедешь и во время ужина сделаешь Милочке предложение! Бабушка-то как обрадуется!

Да уж. Танцевать на радостях начнёт, позабыв о своих хворах и приступах. Бабуля действительно не раз отмечала, что хорошо бы получить состояние Манхельмов в свою семью.

Эйверт медленно, неотвратимо закипал. Лицо, чаще всего выражавшее отстранённую надменность, пошло красными пятнами.

– Какой, к мухам болотным, договор?! В тот год мне было тринадцать, и то был просто разговор под пятнадцатилетний бренди!

– Да почему же просто-то? – обиделся дед. – Подобные договорённости так и заключаются, в непринуждённой беседе, под хорошие напитки правильной крепости. Бабушка, опять же, одобрила: как-никак, господин Манхельм – наш давний деловой партнёр и приданое за дочерью даёт истинно королевское.

Эйверт лихорадочно искал лазейку.

– погоди, дед, что-то не сходится. Я помню детали той пьяной беседы, отец поделился. Они с господином Гаспаром шутили о том, что если я не женюсь до того, как мне исполнится двадцать семь, то предложу руку и сердце его дочери.

В своём уме Эйверт ей и носового платка бы не предложил.

– Мне двадцать шесть, дедуля, – закончил он гневно. – Не говоря уже о том, что этот, как ты выражаешься, договор, я никогда не принимал всерьёз.

– Ну и напрасно, Эйво! Мы все принимали. Что касается срока... Ты же знаешь бабушку. Видение ей было давеча, что это лето – наиболее благоприятное время для заключения твоего брака. Зачем ждать ещё год, если благоприятный момент – вот он? Да и у тебя невесты всё ещё нет, так что... Миларда действительно неплоха, мой мальчик.

Неужели это конец весёлой жизни! Хотя...

– Есть, – воскликнул Эйверт. – У меня есть невеста, дед! Я не могу жениться на Миларде Манхельм!

Там, в доме, знакомом до последней ступеньки, дед неприлично округлил глаза и поперхнулся. Оглянулся через плечо с тем же растерянным видом, что и мама четвертью часа ранее.

– Кто у тебя есть? – недоверчиво протянул он. – Какая невеста?!

– Юная, прелестная, самая очаровательная девушка из всех, кого я видел, – отрезал внук.

– Свадьба назначена на конец лета.

Дед подёргал себя за кончик уха, вперил в Эйверта острый взгляд.

– Вот это новость! Хильда ни за что не поверит. Да что там, я сам потрясён! Вот что, Эйво, ты должен представить свою избранницу семье! А как иначе: если ты намерен жениться, мы должны всё как следует обсудить! Привози свою невесту. Вот в этот выходной и привози, чего время тянуть! Все остальные дела можно отменить и перенести, познакомить будущую жену с родителями гораздо важнее. Хильда, конечно, вся изведётся до выходного... О реакции господина Манхельма даже гадать не берусь. Решено: через четыре дня ждём вас обоих. А то... Давай я экипаж за вами пришлю?

– Не нужно, дед, благодарю, – улыбнулся Эйверт. – Мы сами.

Старательно удерживая лицо и изо всех сил игнорируя полыхающие огненным зудом уши, он попрощался с дедулей, чьё любопытство грозило вот-вот пролиться и затопить весь его удобный уютный кабинет. Взмахом руки испарил воду, отправил пустую посудину на место и с силой вцепился в собственные волосы. У него четыре дня... Даже три, не считая сегодняшний.

В дверь постучали.

– Я занят! – рыкнул Эйверт.

– Я принёс мазь, мастер Эйверторн, – раздалось по ту сторону орехового полотна.

Точно.

Открыл и, не глядя, протянул руку. Целитель Шайн, приветливо кивнув, опустил в его ладонь баночку с привязанной к крышечке биркой.

– Благодарю, – выдавил Эйверт.

Наспех завязал волосы в хвост и от души втёр в зудящую кожу изумрудно-зелёную кашицу, прикрыл глаза в ожидании. Подействовало через минуту. Время на обед ещё оставалось, оставался даже шанс, что хоть пару пирожков ему догадаются оставить. Только вот аппетит у него пропал начисто. Всего три дня, чтобы найти невесту, а затем нужно убедительно сыграть любовь.

Так крупно он ещё не влипал.

Глава 2

Только без паники, ей он поддаться всегда успеет.

Бегать от трудностей Эйверт не привык, хотя с удовольствием сбежал бы подальше от бабули и её матримониальных планов. Вместо этого он расправил плечи, выровнял дыхание, разгладил несуществующие складки на пиджаке, нацепил выражение совершенного мастера Легранта и уверенным шагом направился вдальблывать знания в головы будущих заклинателей. О невестах он подумает по окончании занятий.

Легко сказать!

Последнюю лекцию Эйверторн едва не завалил самым непрофессиональным образом. Поскольку мыслями витал далеко, а о формуле заклинания неподвижности и правильной последовательности звуков, применяемых для этого заклинания, рассказывал механически, толком не вслушиваясь в собственную речь, не заметил, как перескочил с одной темы на другую. Тридцать пар удивлённых глаз и деликатное покашливание вернули Эйверта в реальность. Обругав себя нелестными эпитетами, до конца занятий на поиски «невесты» он более не отвлекался. И старался не замечать разрастающийся в районе солнечного сплетения холодок – предвестник подступающей паники. В самом деле, что он, подходящую девушку на один вечер не найдёт?

Подходящую. Правильную. Таковую, которая не вызовет у старой Хильды Легрант ни тени подозрения.

По глазам третьекурсников читал: изумлены, не ожидали увидеть всегда собранного преподавателя рассеянным. Такой недостаток среди прочих качеств мастера Легранта не значился. Эйверт приклеил к лицу выражение прохладной надменности, с удовлетворением отметил, что удивления в глазах студентов поубавилось, зато прибавилось вселенской тоски, когда он объявил о контрольной на следующем занятии.

Домой шёл торопливо. Путь лежал через парк, и Эйверт невольно выискивал среди гуляющих ту фигуристую красотку с прекрасными глазами. Хотя никакой уверенности в том, что начинать знакомство следует со столь деликатной просьбы, авантюры даже, не испытывал. Зато набросал план действий и немного успокоился. Уши с острыми кончиками, получив порцию целебной мази, вели себя смирно.

Эйверт имел возможность снять целый дом, двухэтажный, небольшой, но очень удобный, но ограничился просторной квартирой, занявшей половину верхнего этажа. Ему в распоряжение достались просторная спальня в мансарде, кабинет, гостиная-столовая и небольшой кухонный уголок. На балконе, примыкающем к гостиной, в хорошую погоду он пил чай, а в те вечера, что проходили не в одиночестве, добавлял капельку романтики для особо впечатлительных представительниц прекрасного пола: показывал им созвездия, так красиво смотревшиеся на тёмном бархате неба. Банальный, но безотказный способ перейти от лёгких приятных разговоров к не менее приятным действиям.

Здесь он поселился в самом конце зимы, когда господин Оклер, ректор Верральской Академии Магического Искусства, а в прошлом именитый профессор и его, Эйверта, наставник, всё-таки уговорил своего бывшего ученика, лучшего из лучших на потоке, а последние несколько лет успешного и амбициозного педагога, сменить место работы. А заодно лично уладил все непростые вопросы с переводом среди учебного года и оклад положил приличный. Возвращаться в родной город, где оставались родители, бабуля и их поочерёдные уловки почаше заманивать его домой, Эйверторн не планировал. Но и отказать учителю и наставнику не мог, к тому же условия для него господин Оклер выбил действительно отличные.

И вот уже несколько месяцев молодой маг жил в Веррале. С преподавательским составом не сдружился, но установил вполне ровные уважительные отношения. Переступить границ в

сторону ненужной фамильярности не любил, потому и увеселительные заведения по выходным или в конце тяжёлого учебного дня вместе с ними не посещал. Пропустить стаканчик-другой горячительного он предпочитал в одиночестве: опять же, никакого риска предстать перед коллегами в непрезентабельном виде в случае перебора с градусом напитка. Коллеги дразнили его ушастым снобом, впрочем, совершенно беззлобно.

Из всей семейки в квартире побывала только мама, проявлявшая безмерное беспокойство, хорошо ли устроился её сыночек. Жилище ей не понравилось категорически: тесно, вид из окна посредственный, гардеробная маленькая, на обоях не той ширины полосочка, квартирная хозяйка невоспитанная и крикливая. Попытку переселить его в отчий дом Эйверт с тихой ухмылкой засчитал, но отстоял право на собственный выбор. И паломничество остальных любящих родственников в свой дом пресёк. Бабушка, к счастью, навещать его не пыталась, но домой зазывала регулярно.

Эйверт подавил вздох, в который раз с тихой завистью вспомнив брата: вот кого уже около десяти лет не душили опекой и вообще не интересовались его жизнью. И жену не навязывали! Вспомнив «милую» Милочку, Эйверторн прибавил шаг.

Дом встретил тишиной и прохладным сумраком; маг привычно потянулся к пульсирующему теплом внутреннему источнику, и через мгновение в комнатах стало светлее, ровно так, как ему нравилось.

Ужин – отбивную и большую порцию салата, где всякой травы и листьев было нарезано гораздо больше, чем нужно здоровому молодому мужчине, предпочитающему мясо во всех его видах, – принесла квартирная хозяйка, так что решение сложной задачи он начал не на голодный желудок. С домовладелицей, к слову, он поладил неплохо: женщина, вовсе не такая шумная, как окрестила её мама, «этих важных господ из академии» уважала и старалась угождать, а молодого преподавателя ещё и подкармливала, по своему, правда, усмотрению: булочки с корицей приносила редко, зато свежайшие овощи прямо с грядки таскала регулярно. Намёков мастера, что он не выносит лук и баклажаны, упорно не слышала. Жаль, очень жаль, что хозяйка никак не годилась на требуемую роль!

Эйверт стянул волосы в высокий хвост и вытащил из ящика стола небольшую записную книжку с защитным тиснением по контуру. Его первый пункт плана. Начал он со старых связей.

У него был единственный приятель, к кому можно было без опасений обратиться с деликатной просьбой. Вернее, к его сестре. С Шелтоном они учились на одном курсе, а младшей сестрёнке, Шейле или Шайне, он запомнил, магии не досталось ни капли. Последнее Эйверта не волновало, достаточно того, что девушка имела приятную внешность, прекрасное воспитание и неплохо относилась к нему лично. И всё же начинать переговоры следовало со старшим братом. Отставив в сторону почти не тронутую горю травы, то бишь салат, Эйверт изложил суть проблемы и отправил почтового шмеля, сверившись с адресом в записной книжке. Нервно потёр ладони в ожидании ответа. Ответ прилетел быстро, и это был единственный положительный момент.

– Эйв, дружище, – загрохотал по комнате голос Шелтона, с лёгкостью преодолевший значительное расстояние, – рад получить от тебя весточку! Весьма сочувствую твоей ситуации, помню, хорошо помню уважаемую госпожу Хильду... Держись, Эйв. Я, собственно, о чём... Опоздал ты с Шейлой: она замуж вышла в прошлом месяце. Подозреваю, её муж будет сильно против помощи тебе. Ты уж не обижайся, ладно?

– Никаких обид, – пробормотал Эйверт, дослушав послание.

Значит, Шейла. А был бы самый удобный вариант. Жаль.

Шмель встрепенулся и рассыпался горсткой жёлто-чёрного пепла. Маг вполголоса ругнулся: не самый аккуратный в исполнении заклинаний Шелтон высыпал получившийся пепел

не в специальную корзиночку для мелкого мусора, а прямым на чистые брюки Эйверта. Эйверторн тарасился на пятно недолго, почти сразу же магией убрал его без следа.

Что ж, один пункт можно было вычёркивать и переходить к следующему. Эйверт раскрыл специальный раздел записной книжки, прятаный несколько имён.

Девушка нужна местная. Условие не принципиальное, но искать «невесту» откуда-то издалека нет времени. А здесь-то у него не так много знакомств после возвращения было. Почти ничего.

Итак, Гретта. Плюсы: смешливая, беззаботная. Минусы: и у этой имелся муж. Мужа бабушка, пожалуй, не поймёт. Эйверт легонько провёл ногтём по строчке с именем бывшего недолгого приключения – строчка вспыхнула и исчезла.

Оливия. Эйверт тяжело вздохнул, побарабанил пальцами по имени, записанном строгим мелким почерком. Плюсы... были. Но сделать из трактирной подавальщицы благовоспитанную леди за каких-то три дня нереально даже с помощью магии. Иллюзии бабуля учует, как гончая – зайца. Имя вспыхнуло.

Сандра, хозяйка цветочной лавки. Плюсы: вежлива, мила, обходительна. Пока не начала смеяться. Хрюкающие звуки, чередующиеся с басовитым подвыванием, Эйверт оказался не в силах терпеть. Удивительно, но порой и смех может послужить причиной расставания, даже если оно произошло на ровной, почти дружеской ноте. Представив, какотреагирует Сандра на отцовскую шутку, а остальные члены семьи и почётные гости – на Сандру, Эйверт вычеркнул и это имя. И подёргал себя за рассыпавшийся по плечам хвост. Впору было подвывать самому.

«Спокойно, Эйверт, спокойно. Рано сдаваться», – одёрнул он себя.

Профессиональная актриса значилась в его плане следующим пунктом, но тут вмешался пункт внеплановый. Влетев в приоткрытое окно мохнатым, жужжащим, как настоящее насекомое, полосатым клубком, этот пункт требовательно ткнулся в руки Эйверта и раскрылся парой слов: «Подойди к зеркалу». Свернувшаяся было дремлющей на груди змейкой паника всколыхнулась с новой силой. Просто голосового общения было бы более чем достаточно, но не для Хильды Легрант.

Маг ткнул пальцем в сторону прихожей, где у стены стояло зеркало во весь рост, в тяжёлой раме, на подставке в виде золочёных лап грифона. Торопливо смахнул записную книжку в верхний ящик стола, как раз вовремя: лапы принесли зеркало аккуратно к Эйверту, поставили рядом. По поверхности пробежала радужная рябь. Эйверторн с силой провёл по лицу, стирая выражение подозрительного недовольства, и активировал вызов.

Зеркальная темнота рассеялась – вместо неё появилась бабушка. Она смотрела на внука с ехидной улыбкой.

– Эйви, золотце! Ты один?

Живые, не утратившие яркости глаза цепко оглядели пространство.

Эйво тоже нацепил на лицо улыбку.

– Рад видеть тебя в добром здравии.

– Да какое оно доброе?! В груди так и жжёт с самого утра, и ничего не помогает! Совсем тяжело мне.

Эйверторн с сомнением оглядел главу рода, восседающую с идеально ровной спиной в кресле с высокой спинкой. Даже в постели, среди подушек и одеял, Хильда не позволяла себе небрежности ни в одежде, ни в причёске. Для разговора с внуком она оделась в элегантное платье с высоким воротничком, не забыла о нитке жемчуга и жемчужных же серьгах, седые волосы уложила в высокую причёску, а единственную вольность – нежно-сиреневую прядь надо лбом – красиво подколола сверкающей тоненькой заколкой. Морщины, конечно, выдавали возраст, но лицо госпожи Легрант было ухоженным и умело подкрашенным, а на старческих руках

с аккуратным перламутровым маникюром не виднелось ни единого пигментного пятнышка – только перстни с жемчугом и сапфирами, над чьей огранкой трудились лучшие ювелиры. Бабушка выглядела так, словно собралась на чай с подругами, разве что подруг у неё не водилось: семейное дело составляло всю её жизнь. Но голос же, негромкий и слабый, заявленному соответствовал.

Эйверт посмотрел в зеркало сочувственно, поинтересовался, что говорят лекари, не предложили ли каких новых лекарств. О здоровье и лекарствах бабуля поговорить любила, но в этот раз отвлекаться не стала.

– Лекари своё дело знают, – сварливо проворчала Хильда. – Гребут за свои услуги так, точно продают не микстуру, а морской жемчуг высшего качества! А все их снадобья – пустышки: всё равно что жидкий чай пью, а плачу ровно как за отборный витарский. Но мне приятно, что ты беспокоишься о моём здоровье, Эйви. Ты всегда был чутким мальчиком. Так ты сейчас один?

– С работой, – поправил Эйверт, кивая на стол. – На целый вечер хватит.

Магией он владел виртуозно: прямо под носом у бабули, искусно применив отводящие чары, переместил на стол стопку студенческих тетрадей, которые захватил с собой из академии.

– А я так надеялась увидеть твою избранницу! Она не у тебя?

– Нет, бабушка. Сегодня у меня лишь формулы и задачки, и это тоже по-своему увлекательно.

И он постучал пальцами по верхней тетрадке, надеясь, что сквозь зеркало не слышно стука его сердца. Конечно, про невесту Хильде уже рассказали!

– Ох, как жаль!! Я так хотела на неё посмотреть! Хоть одним глазком! Не дотерплю до ужина, умру от любопытства! С одной стороны, хорошо, что её с тобой нет: значит, ты думаешь о приличиях, с другой – я прекрасно осведомлена о современных нравах и отношениях до свадьбы. Ну же, расскажи о ней, Эйви! Из какой она семьи?

Ещё бы он сам знал!

– Бабуль, – примирительно улыбнулся Эйверт. – Раз уж мне удалось устроить вам сюрприз, позволь сохранить секрет до конца. Я уже обещал деду познакомить вас с невестой. Осталось каких-то три дня, и ты сама её увидишь.

При этих словах ему поплохело; хорошо бы не изменился в лице, а то бледную с прозеленью кожу остроглазая бабушка и в неверном изображении зеркал углядит.

Госпожа Легрант приложила усыпанную перстнями руку к груди. Умело тронутые пастельно-розовой помадой губы обиженно поджались.

– Золотце, ты же знаешь, какое слабое у меня сердце, ему нельзя устраивать волнения. Я даже представить себе не могу, кого ты приведёшь в дом! Грэг успел переговорить с несколькими почтенными семействами, в коих выросли прекрасные дочери на выданье... Ну, не морщи так недовольно нос, золотце! Ты же понимаешь, какой важный и ответственный шаг твоя женитьба! Конечно, я хочу знать об этой девушке всё! Так вот, ни одна из уважаемых верральских семей не подтвердила, что ты посватался к одной из девиц.

Эйверту поплохело сильнее. Он расстегнул ещё одну пуговицу на мягкой домашней рубашке и вдохнул побольше воздуха.

– Бабулечка, никаких волнений. Я бы не спутался с недостойной девицей. Она прелестная, скромная и воспитанная девушка. И красавица. Она с первой встречи поразила меня в самое сердце. И мы... – он запнулся, но всё же закончил со всей уверенностью, на какую был способен. – Мы очень любим друг друга.

– Ах, ну это-то совсем не при чём, – вяло отмахнулась Хильда, а яркие глаза так и прожигали во внуке дырку сквозь зеркальную преграду. – Эйви, а ты не врешь мне?

Внук ответил спокойным прямым взглядом – внутри же бушевал настоящий водоворот. Бабушка вздохнула, на краткий миг сделавшись похожей на милую безобидную старушку, а потом с лёгким прищуром уставилась внуку в глаза.

– Потому что если врешь... Я тоже тебя люблю, внучек, и надеюсь, что и ты к бабушке относишься со всем почтением. Но если ты всего лишь пытаешься избежать помолвки с девицей Манхельм, одобренной, между прочим, всей семьёй... то настаивать на твоей свадьбе с дочкой Гаспара я, конечно, не буду. Милочка, бесспорно, погорюет, но отец, глядишь, подберёт ей другого мужа. А ты в таком случае отправишься к легрантовским сапфирам. Ты знаешь, как ценен твой дар чувствовать минералы и камни, знаешь, как важно семье контролировать процесс добычи. А я как раз в прошлом месяце уволила предыдущего управляющего. На нечестной сделке поймала, у меня чутьё на обман. А новый уж больно безынициативный, мягкий, такого старатели живо к рукам приберут. Другое дело ты, Эйви. В тебя я верю.

Каждое слово, произносимое мягким старушечьим голосом, кололо Эйверта ледяными иглами.

– Ты... – не поверил маг. – Ты хочешь... сослать меня на край земли?! У...у-управляющим?!

– Тюлений Хвост вовсе не край земли. От самого края его разделяет море, – педантично поправила бабушка.

– Я только начал свою деятельность в академии. Мы уже говорили о том, что я хочу связать свою жизнь с...

Хильда перебила и сделала это с приторно-ласковым напором:

– Ты же не собираешься до седых волос вытирать носы неумехам-студизусам и таскать их на практику? Твоё настоящее место в семейном бизнесе, золотко. Когда-то я считала, что этим займётся твой брат, но он предпочёл открытый конфликт и отказ от семьи. У твоего отца нужной деловой хватки нет. Так на кого мне надеяться, милый?

И бабушка – Эйверт не ослышался – едва слышно всхлипнула.

– Я женюсь на той, кого выбрал сердцем, – отрезал он. – И я помогу тебе найти толкового управляющего на Тюлений Хвост. Это, думаю, мне как раз по силам.

– Что ж... Привези свою невесту знакомиться, золотце. А если нет, то ты сам станешь этим управляющим, пока я не подберу другого. Имя-то у твоей избранницы есть?

– Самое лучшее, музыка для моих ушей, – заверил Эйверт.

– Надеюсь услышать эту прекрасную мелодию, – хмыкнула бабуля и махнула рукой в сторону своего зеркала.

Со стороны Эйверта полыхнуло ярким светом и тут же всё погасло. Он отправил ставшее обычным зеркало обратно в прихожую, а сам сделал несколько жадных глотков из тёмно-зелёной бутылки. Ежевичная наливка приятно обволокла гортань.

Тюлений Хвост!.. Как ей в голову взбрело такое? Этот маленький полуостров, голый, незаселённый и унылый, принадлежал семье Легрант. Вокруг плескалось серо-зелёное неласковое море, ветра стремились выдуть из человека душу. Но этот участок земли, и впрямь напоминающий хвостик тюленя, за что и получил когда-то своё название, оказался богат месторождениями сапфиров, именно потому и был приобретён предприимчивой Хильдой. Больше там не было ничего, вообще ничего, и даже равнодушного к развлечениям Эйверта там охватила бы вселенская тоска.

И... Верраль! Эйверторн после окончания столичного учебного заведения, не менее известного и престижного, остался там преподавать у первокурсников, успел выпустить последний курс, до которого дошла лишь половина его студентов, а потом получил внезапное и такое настойчивое предложение господина Оклера... Не Хильда ли за всем этим стояла? Ректора пытаться бесполезно, ни за что не сознается.

Эйверт раздражённо рыкнул и глотнул ещё ежевичной. Хватит. Завтра лекции с самого утра.

Глава 3

Весь остаток вечера Эйверт лихорадочно искал кандидатку. Были отмечены ресторанные певички и актриски, годящиеся по возрасту ему в невесты. Оставалось лишь договориться с одной из них, не пожалеть средств ни на косметические услуги, ни на подходящее платье и сыграть, вопреки принципам, нечестно. Иллюзии в таком вопросе не помогут, а вот воздействие на разум, благодаря которому человек на нужное магу время менялся кардинально, приобретая отсутствующие манеры и правильную речь, способно выручить в самой патовой ситуации. Метод бесчестный, так глобально лгать родным Эйверт не желал и ещё больше не желал применять такие чары к кому-либо, но, коль уж его совсем загнали в угол...

Бабушкины слова всё звенели в ушах, когда он вызвал профессора Марсена и безмерно изумил его и остальных молодых преподавателей, напросившись с ними в Развалины, куда в компании ни разу не ходил. И хотя мягкий тёплый вечер накрыл город, а желания выползть из дома не было никакого, Эйверт всё же стиснул зубы и решительно переоделся. Отдыхать и лениться будет после.

Развалинами звали городской квартал почти в самом центре. Когда-то там стоял прекрасный дворец, пострадавший столетия два назад в магическом огне. Восстанавливать не стали, столицу перенесли из Верраля южнее, а самому городу остались вот они, Развалины. Фрагменты дворцовых стен и башен красиво вписали в улочки рядом с площадью, а позже на этих улочках появились ресторанчики с музыкой и певичками, пабы и прочие увеселительные заведения. Туда-то и направились молодые мужчины и средних лет ритуалист Марсен, большой любитель легкомысленных куплетов и бараньих рёбрышек, подаваемых почти в каждом заведении к недорогому пиву.

Что ж, Эйверт получил возможность присмотреться к ресторанным артисткам близко. Никого и близко подходящего на роль невесты он не увидел, зато испытал глубокую досаду и гаденький липкий ужас перед далёким полуостровом. Время оказалось потрачено впустую, не спасли ни весёлые разговоры, ни неплохая еда. Разве что одобрение коллег заработал да получил приглашение как-нибудь повторить приятный вечер. Рассеянно кивнул и поспешил домой.

Завтра надо бы попасть в театр.

Следующим утром ректор известил, что должен отлучиться из академии по делам и до конца недели его не будет. Эйверт кивал, едва слыша, и совсем не запомнил, что там за дела такие. Свои заслонили весь остальной свет. Контрольную у третьекурсников провёл со всей строгостью: шпаргалок не признавал, списывать и мухлевать не давал. Рыжий веснушчатый парень, Кайл Шу, кажется, торопливо строчил что-то на своём листке, высунув от усердия язык, и затравленно косился в сторону учительского стола, на краешке которого небрежно примостился мастер Легрант.

В перерыве между первыми парами Эйверт вышел на крыльцо, рассеянно смотрел на стайки студенток, беззаботных и сосредоточенных, шумных и притихших, спешащих от одного корпуса к другому или неспешно прогуливающих по дорожкам. Отправил посыльного в театр за билетом; какой спектакль смотреть, Эйверту было без разницы, не спектакля ради он туда шёл.

На обеде, глотая густой наваристый суп, перебирал педагогический состав, женскую его половину, и снова выходил к неудаче. Тессе было почти тридцать, она носила брючные костюмы, задорную короткую стрижку и помолвочное кольцо на пальце. А как боевой товарищ, могла бы и согласиться... Госпожа Фафф была ровесницей бабушке Хильде, госпожа Стимпельтон, специализирующаяся на гаданиях, слегка не от мира сего, и тоже далеко не

юная девушка. Вспомнив всех женщин из академии, Эйверт совсем сник. Миссия «провести Хильду» близилась к провалу.

После обеда посыльный вернулся с билетом, получил за свои труды мелкую монетку и, довольный, удалился, а Эйверт мазнул взглядом по названию спектакля. Похоже на комедию.

Домой он шёл привычной дорогой через парк, разглядывая всех мало-мальски подходящих по возрасту девиц, пока не спохватился и сердито не одёрнул себя. «Совсем свихнулся, уже каждой встречной готов предложить сделку!»

Верральский театр не подвёл, пьесу там давали весьма неплохую, только вот насладиться действием в полной мере у Эйверторна не вышло. Он отметил неплохую игру одной из актрис второго плана, в конце пьесы раздобыл букет и пробрался в гримёрку – надо же было хоть как-то продвигаться в затеянной авантюре! Выразил восхищение, похвалил игру, словом, завязал знакомство с довольно молодой женщиной, но так и не озвучил своё главное намерение. Понаблюдал, как она держалась вне сцены, прикинул, сумела бы эта актриса провести бабулю, и промолчал. Шансов было примерно шестьдесят на сорок – в сторону провала. В самом крайнем случае, та самая нечестная игра, и для неё женщина вполне годилась. Но всё внутри протестовало. В крайне скверном расположении духа Эйверт вернулся к себе, и только одно немножечко порадовало: за весь этот день ни отец, ни дед не побеспокоили его своими вызовами и расспросами о «невесте».

Одна мыслишка назойливым комаром звенела над головой, когда Эйверт укладывался спать. Что-то он упускал, что-то очевидное, находящееся прямо перед его глазами.

Утром до него дошло, что.

Прямо в первом же коридоре главного корпуса и дошло, даже до лестницы дойти не успел. Аж уши под волосами зачесались, оба разом.

– Эйверторн, ты идиот, – сказал он себе.

Спешившая на занятия первокурсница оглянулась через плечо и округлила глаза. А Эйверт словно очнулся и новым взглядом обвёл учебный корпус. Это же так просто!

Вся Верральская академия представляла собой один гигантский цветник. Нет, парни тоже учились, и общее соотношение составляло примерно пятьдесят на пятьдесят, но и половины присутствующих «цветочков» хватило бы для выбора! Хоть розочки с шипами, хоть нежные фиалки, хоть ромашки, хоть чертополох.

В академическом уставе не было жёсткого запрета на отношения учителей со студентами. В целом, подобное не одобрялось, и какие-то моменты оставались на усмотрение ректора, но за вспыхнувшие чувства, обоюдные, никого не исключали. Эйверту же и до чувств не нужно доходить, достаточно одного семейного вечера, а потом он договорится и всё устроит наилучшим образом.

Его одновременно и отпустило, и скрутило нетерпением. С этой самой секунды занятия он вёл, внимательно присматриваясь к присутствующим притихшим студенткам. За первые две пары отметил пяток подходящих кандидаток со второго, третьего и даже четвёртого курсов. Оставалось изучить их личные дела, чтобы понять, с кем лучше договариваться. А после можно и спокойное место для деликатной беседы сыскать.

Но очередное невезение пришло, откуда не ждали: в преддверии выходных многие студенты покидали стены академии для поездки домой. Кого-то ждали любящие родители, кого-то друзья. Эйверт и опомниться не успел, как ряды грызущих гранит науки изрядно поредели. Неужели надежда лишь поманила призрачным крылом, чтобы издевательски похохотать, растворяясь в воздухе, и ему всё-таки придётся заключать сделку с той актрисой да ещё вторгаться в её разум, меняя её сущность на долгие несколько часов? В виртуозное актёрское воплощение маг не очень-то верил.

Так. Требовалось успокоиться, прекратить панику и попробовать ещё раз. Не все студенты разъехались – девиц, проживающих в академии постоянно, тоже хватало. Так что да, требовалось незамедлительно успокоиться и, наверно, пройтись на свежем воздухе, что Эйверторн и сделал.

Спустившись вниз, маг быстро пересёк главную аллею и углубился в ухоженный сад, гордость академических садовников и лично господина Оклера. Эйверт брёл по садовым дорожкам и прикидывал ещё один запасной вариант: в случае провала явиться на ужин одному и перенести знакомство с мнимой невестой на другое время. Через неделю. Или месяц. Придумать вескую причину... Если Хильда, конечно, согласится на этот месяц, а не устроит всё так, что через неделю он сам вместо занятий со своими заклинателями отправится на далёкий унылый Тюлений Хвост, где не будет ни студенток, ни прекрасных незнакомок в кокетливых шляпках.

Он забрёл вглубь, вышел почти к самой оранжерее, представлявшей из себя одно большое строение и пяток маленьких, выстроившихся вокруг главного пятиконечной звездой. И вдруг увидел огромный сноп ярких всполохов, осветивших одно из строений-«малышей» изнутри. Такие вспышки часто случались из-за плохого контроля магической силы либо неправильно применённых заклинаний. Сориентировался мгновенно: именно в этой пристройке любил бывать ректор, самолично разбивший клумбы и грядки. Особой гордостью господина Оклера были ирисы всех сортов и расцветок, в том числе лично выведенные им сорта «Рассветная дымка» и «Милая грёза». Вот только Оклер отбыл ещё до обеда, а без него в «его» оранжерею мог сунуться только смертник какой-нибудь, а уж творить в её стенах магию...

Предчувствуя неладное, Эйверторн поспешил внутрь. Бесшумно скользнул в тень, зелёными крыльями накрывшую буйство цветов и красок, и двинулся вглубь, где продолжали свою безумную пляску магические импульсы.

Хорошо, что смотрел не только вперёд, но и под ноги, и вовремя убрал ногу, занесённую над чем-то небольшим и нежно-жёлтым, похожим на камень. Эйверт моргнул. Камень зашевелился и прыгнул в сторону густого ковра из мелких голубеньких цветочков. Нижняя часть «камня» оказалась окрашена в насыщенно-фиолетовый. Эйверт моргнул ещё раз и разглядел выпученные глаза, лапки и пупырышки.

– Вот бездна, – пробормотал он, рассматривая затейливой окраски... жабу.

Перевёл взгляд дальше и увидел ещё одну, терракотовую с коричневым узором.

– Ква, – сказала жаба как-то очень жалобно.

– Вот бездна, – согласился Эйверт. – Ты откуда такая... красивая?

Осторожно ступая по земле, чтобы не раздавить невесту откуда расплодившихся земноводных, голубых, дымчато-фиолетовых, розовых, белых, он приближался к источнику беспорядка. По дороге с возрастающим изумлением отметил про себя разбросанные по всей оранжерее комья земли, непонятные пятна, облепившие стеклянные стены, помятые растения и цветы. Изумление сменилось холодком по мере приближения к главному украшению оранжереи – ирисам. На любовно обустроенной клумбе их... не было. Сама клумба представляла собой поле боя в миниатюре, а вместо прекрасных цветов с этого самого мини-поля и расползались разноцветные жабы. Эйверт пригляделся: да, так и было. В цвет ирисов. Вон та, нежно-розовая с золотистым разводами, сильно походила на «Рассветную дымку», а сидевшая рядом карамельно-жёлтая с зелёным брюшком – на «Милую грёзу». Обескураженно квакнув, бывшая «Грёза» скакнула в ближайшие кусты, а Эйверторн снова моргнул. В третий раз.

Надо было определено что-то делать. Собравшись с мыслями, Эйверт вызвал парализующие чары и направил их на резвящихся на и возле клумбы земноводных. После чего обнаружил виновника бардака. Вернее, виновницу.

Она стояла в нескольких шагах от него, по ту сторону клумбы, почти у самой дальней стены оранжереи и вид имела крайне растерянный и напуганный. Это была девушка лет восемнадцати-девятнадцати, одетая в лавандовое форменное платье с серой отделкой. Беспомощно выставив перед собой руки, она перебирала заклинания, но нужное никак не подбиралось, и с пальцев лишь хаотично брызгало магией. Её длинные светлые волосы с мягким золотистым отливом растрепались, выбились из строгой ученической укладки и небрежными волнами спадали на плечи и спину. В больших глазах плескался ужас, губы прыгали то ли в попытке сложиться в нужные слова, то ли от подступающих рыданий.

– Что здесь происходит? – сурово спросил Эйверт, не представляя, как такое создание умудрилось сотворить с цветам Оклера... вот это всё.

Девушка отмерла, встряхнула руками, и магия с её пальцев перестала течь.

– Вы их... убили? – шёпотом проговорила она, опутив взгляд на застывших жаб.

– Остановил, пока не расплозились по всему саду. Это были любимые ирисы ректора Оклера.

– Ой.

– Ещё какой.

Девушка попятилась, вжалась в стену, точнее, в дверь в стене: оранжерея была сквозной.

– Не надо падать в обморок, или куда вы там собрались. Лучше объясните чётко и внятно, как называется это безобразие, и как вас вообще угораздило колдовать в оранжерее ректора?!

Эйверт чуть склонил голову, скрестил на груди руки и одарил студентку фирменным легрантовским взглядом, способным замораживать и испепелять.

– Я совсем не этого хотела! – в отчаянии выкрикнула девушка высоким чистым голосом и снова попятилась.

Эйверт демонстративно огляделся.

– А чего же? Какой курс? Кто наставник? У вас проблемы с магическим контролем, как вас вообще допустили к... Эй! А ну стойте, мы не договорили! Стой!

Но в открывшейся двери, в которую вывалилась горе-девица, мелькнула только стремительно удаляющаяся фигурка в форменном платье. Эйверт ругнулся, сунулся было догонять, но на третьем шаге притормозил и обернулся посмотреть на развороченные клумбы любимой ректорской оранжереи.

– Ладно, – сказал он, переводя взгляд на застывшие жабы глазки, полные отчаянной надежды. Подтянул повыше рукава пиджака и рубашки и потёр ладони одна о другую, согревая их.

А с удравшей негодницей обязательно надо поговорить.

Глава 4

Никогда ещё сердце Аннабеллы не заходило в столь бешеном ритме. Даже в день, когда на практикуме по тварезнанию девушка перепутала рыжего остроуха с песчаным котопсом и скормила зверьку мятной кашицы вместо куриного террина. Остроух тогда озверел и моментально запрыгнул на стол преподавателей, где прогрыз ведомость с отметками. Но если бы на том всё и закончилось!..

Коварный пушистик, оторвавшись на бумаге и чернилах, цапнул зубами шляпу ректора и сделал это не с вешалки, стоявшей в углу классной комнаты, а с головы самого ректора, впавшего от такой наглости в ступор. Тот впервые за полугодие решил посетить занятия младших курсов, чтобы оценить как степень подготовленности студентов к переходу на следующую ступень, так и уровень мастерства педагогов, каждый из которых в своем резюме перечислял столько навыков, что хватило бы на целую диссертацию.

Ещё бы! Преподавать хоть зельеварение, хоть анимагию, а хоть и самую низшую и простейшую дисциплину, такую, как начертание магических символов, в столь престижной академии было привилегией, о которой мечтал каждый уважающий себя маг. И уж если педагогов отбирали на конкурсной основе, то что говорить о студентах?!

Отпрыски всех благородных семейств, способные на глаз отличить амулет от сглаза от простого ювелирного украшения, каждую осень стаптывали башмаки на лестнице приемного отделения и смотрели с затаённой надеждой, протягивая госпоже Фафф из приемной комиссии свои документы. А та, убрав за ухо вечно падающую на глаза седую прядь и покрутив на запястье браслет в виде ухмыляющейся змейки, по-старинке вставляла в глаз увеличительное стекло, принимала в руки бумаги, окидывала скептическим взглядом претендента на место на студенческой скамье, фыркала, а затем ставила на номере заявления печать: зелёную – к вступительному испытанию допущен; красную – советуем попытать удачу на следующий год.

Аннабелла была в числе тех счастливиц, кого госпожа Фафф одобрила с первого фыркания, но в отличие от однокурсников учеба давалась девушке не так легко, как хотелось бы. И нет, проблема была не в способности усваивать материал, а в том, что Аннабелла была одним сплошным ходячим недоразумением. Там, где будущие магистры магии, лишь раз небрежно прищёлкнув пальцами, легко зажигали свечу с расстояния этак футов десять, Аннабелла разводила целый костер. Потом приходилось срочно колдовать полную проливного дождя тучку. И беда, если не успеешь, ведь в таком случае сторит не только профессорский стол, но и собственная форма, удобная и красивая, к слову. А за порчу форменной одежды кастелян академии спрашивал ой как строго.

А с рыжим остроухом так вообще вышло наиглупейшим образом, и виной всему был банальный недосып: мечтая произвести на преподавателя, магессу Тиланор, впечатление, Аннабелла зубрила всю ночь, разобрала по полочкам строение скелетов всех волшебных существ, научилась различать их по одному лишь загибу кончиков усов, но в результате проспала начало практикума, влетела в аудиторию вся в мыле и с перепугу, что занятие посетил сам ректор, перепутала всё, что знала.

Но если бы то была единственная её оплошность!

Увы, безобразию с остроухом предшествовали опрометчивость и неосторожность на некоторых занятиях, включая основы стихийной магии. Выплёскивающую силу не удавалось контролировать должным образом, хотя Белла была старательной ученицей, и диплом об окончании престижного учебного заведения получить очень хотела. Диплом стал бы единственным пропуском в новую, успешную и устроенную жизнь. Вот только живущий в её хрупком теле дар капризничал и то и дело не подчинялся. Там, где Аннабелле случалось творить волшебство, в итоге воцарялся хаос.

От того хаоса в академии устали все. При всём желании и усердии, Белла не справлялась с дарованной силой, поэтому ректор Оклер запросил встречу с главой Высочайшей Комиссии по Контролю Магии. После совещания самых титулованных во всём мире магистров Белле были выданы специальные браслеты, которые помогали контролировать мощный магический поток. Господин Оклер лично застегнул их на тонких запястьях девушки. Носить браслеты было наказано постоянно; снимать допускалось строго по разрешению кураторов и наставника. В тот день Аннабелла поблагодарила главу академии за заботу, но тот в ответ, до сих пор не смирившись с потерей шляпы, пригрозил девушке отчислением в случае нового проступка. С той поры Аннабелла занималась усерднее, тренировалась каждую свободную минуту, иногда одна, но чаще старалась делать это в обществе однокурсницы и подруги: так надёжнее. Но как бы Белла ни старалась держать магию в руках, то есть в браслетах, рано или поздно та вырывалась на свободу и разгулялась не на шутку.

Этим рано или поздно оказался сегодняшний день.

В последнее время управление землей давалось ей всё лучше, и было бы неправильно не воспользоваться свободным вечером и не устроить очередную тренировку. Можно и рост растений попрактиковать, и на насекомых размяться. Трюки с габаритами последних неплохо удались ей на последнем занятии, и магесса Тиланор хвалила её, но велела обратить внимание на формулу для правильного расчёта при изменении размера. Аннабелла пообещала обязательно уделить этому моменту больше времени и сегодня собиралась увеличить парочку-другую червячков, коих можно было найти на грядках и клумбах оранжереи, но для этого требовалось снять ограничивающие магию браслеты.

В какой момент всё пошло совершенно не так, девушка не смогла бы ответить даже под пытками. И она старалась, она упрямо старалась исправить сотворённое, до того как её застучал тот сердитый, с сурово сведёнными бровями и резким голосом, мастер заклинаний, стихий и целого списка магических искусств.

Аннабелле ничего не оставалось как драпать с «места преступления», надеясь, что содеянное сойдёт с рук: уважаемый ректор до начала следующей недели находился в отъезде, то есть сам лично стать свидетелем погрома не мог. Впрочем, ему могли доложить... Со щемлением в сердце девушка вспомнила имя того, кто мог бы это сделать.

У входа в кабинет магессы Стимпельтон, организовавшей вечерние курсы по гаданию на таро, былолюдно. Занятия только-только закончились, и студенты медленно и неохотно покидали кабинет. У госпожи Стимпельтон всегда так было: своим предметом она была столь одержима, что преподавала до хрипоты в голосе, но ученики, чувствуя силу её увлечения, вдохновлялись и не покидали кабинет до последнего, не разобрав все нюансы заявленной на уроке темы. Среди одержимых была и веснушчатая рыжеволосая девушка со стопкой тетрадей в руках. Её волосы были коротко стрижены, а носик, на котором болтались круглые очки, чуть вздёрнут, ровно так же, как нос одного юноши, поджидавшего, как и Аннабелла, у дверей в класс.

Аннабела перевела дух и обратила внимание на свой жалкий вид: волосы от быстрого бега растрепались, щёки горели, туфли были выпачканы землёй и цветочной пылью, такой же «декор» украшал подол юбки. Юркнув за колонну, в спасительный полумрак, девушка поспешно привела себя в надлежащий вид и переплела волосы, надеясь, что теперь она выглядит менее безумно. Вынырнула обратно, никем не замеченная, и помахала курносому:

– Кайл, – шепнула Аннабелла.

Юноша повернулся на голос.

– Белла? Ты что здесь делаешь? Только не говори, что...

Девушка помотала головой.

– Не-ет, с таро я больше не связываюсь. Хватило того раза, когда карты вспыхнули прямо у меня в руках. Я заскочила за Бердис.

– Заскочила? – Кайл окинул Беллу внимательным взглядом. – Хм...

– Чего?

– Ты того... немного выглядишь, как... вроде и в порядке, а вроде и...

Аннабелла смутилась: Кайл часто читал её, как открытую книгу. Может, это был его дар? Или это случилось благодаря знаниям, полученным на спецкурсе, которые брат Бердис посещал с завидной регулярностью? Что ж, Белла обязательно выяснит причину, но в другой раз – не сегодня.

– А ты каким образом здесь? – спросила она. Первоначальные планы излить душу перед подругой рушились: теперь придется уединяться втроем. Впрочем, Аннабелла никогда не была против присутствия Кайла. Скорее наоборот.

– Хотел позвать Бердис на ужин. Чуешь, как пахнет?

Юноша завопил носом, повернувшись в сторону лестницы, ведущей в столовую. Девушка сделала то же самое.

– Пахнет ужином. Что дают?

– Фрикадельки с брусничным соусом.

– Мясные?

– А то!

В животе заурчало. Перебить страх аппетитными фрикадельками было отличной идеей, однако Белла понимала, что пока не выговорится, ни один кусок не полезет в горло.

– Мне нужна Бердис! – выпалила она и первой ломанулась в двери классной комнаты.

Спустя пару минут все трое – Белла, Бердис и Кайл – торопливо зашагали по тенистой аллее, с каждым шагом удаляясь от умопомрачительных запахов мяса и специй, так и витавших в воздухе. Повернуть в сторону, противоположную столовой, было тем ещё испытанием, но Аннабелле и правда было не до еды, а друзья разделяли волнение подруги. Девушка искала свободную беседку, где без помех можно поговорить, однако на полпути пришлось остановиться: возле пышных кустов голубой гортензии Бердис схватила подругу за руку и выдохнула:

– Да объясни, наконец, в чём дело!

– Да-да, объясни, – не отставал от сестры Кайл.

Плюхнувшись на землю под один из кустов, он почесал такие же, как у Бердис, веснушки на носу и уставился на Беллу, требуя объяснений. Делать было нечего, и девушка выплеснула:

– Мне конец!

Подруга деловито поправила очки на переносице.

– С чего бы это?

– Я такое начудила!

Брат и сестра переглянулись, и Бердис окинула взглядом руки Аннабеллы. Нахмурившись, спросила тоном классной дамы:

– Где твои браслеты?

Белла помрачнела.

– Вот, – проронила она, открыв сумку и предъявив содержимое подруге.

Кроме книг и прочих мелочей, таких как исчезающие чернила, летающие закладки и прыгающие точилки для карандашей, используемых при записи магических рун, там лежали и два тонких серебряных обруча. Размером они были с запястье Беллы и содержали в себе вкрапления из нескольких камней, символизирующих воду, огонь, землю и ветер. Все четыре стихии были упрятаны в одно место, словно засажены в темницу, и каждая из них вела себя смирно, но ровно до тех пор, пока браслеты были на руке.

– Опять сняла! – принялась корить подругу Бердис. – Одна, без подстраховки! Почему меня не подождала?

– А как иначе? – огрызнулась Аннабелла. – Как иначе мне развивать свой дар? Время идёт, мы заканчиваем второй курс, ты и другие вытворяете такие сложные трюки, а я до сих

пор не научилась колдовать в полную силу! Браслеты надеты – получается только тыквы по воздуху гонять; сняты – и я почти не контролирую ни процесс, ни результат!

Бердис скрестила на груди руки.

– И что опять вышло из-под контроля, пока я гадала на таро?

Белла покраснела.

– Я собиралась изменить габариты обыкновенных земляных червяков, а вместо этого превратила любимые ирисы ректора в жаб. Откуда мне было знать, что именно вон то маленькое строение рядом с главной оранжереей и есть любимый уголок господина Оклера, куда соваться без его разрешения крайне не рекомендуется?! Особенно мне! – И тут же с гордостью добавила: – Они получились тех же сортов!

– Кто?

– Так жабы!

Уголки губ рыжей девушки против воли дёрнулись в слабой улыбке.

– А червяки?

– Благоразумно покинули поле действия: ни одного не увидела, – вздохнула Аннабелла. Молчаливо слушавший разговор подруг Кайл взъерошил на голове волосы и простонал:

– Тебе конец!

– Не каркай, – одёрнула брата Бердис. – Господина ректора нет в академии. Нам просто нужно превратить жаб обратно в ирисы – и всего делов!

– Всего делов, – передразнила девушку Аннабелла. – Думаешь, я не пыталась вернуть всё на свои места? Но вышло только хуже: при каждом кваканье жабы начинали пускать пузыри! А потом и вовсе оторвались от цветочных стебельков и распрыгались врассыпную.

– В цвет ирисов получились лягушечки? – зачем-то уточнил Кайл крайне серьёзным тоном, а у самой губы тоже так и норовили сложиться в улыбку.

– В цвет ирисов. Но это не самое страшное.

– Что может быть страшнее жабы с пузырьём?

– Мастер Эйверторн! – выпалила Белла.

Её друзья присвистнули, а Кайл ещё и за ухом почесал. То внезапно запыхало в цвет его с сестрой волос. Шапки соцветий гортензии закачались от заглянувшего под куст слабого ветерка.

– Мастер Лэгрант с начала весны преподаёт у нас на потоке, – произнёс юноша.

Вопрос вертелся на языке Беллы, и она не сдержалась:

– Строгий?

– Требовательный! Вольностей в магических заклинаниях не допускает. Ошибок не прощает. Зануда ещё тот!

– Так я и думала! Вот зачем мне столько силы? Охотно отдала бы половину за капельку везения! Нет чтобы попасться на глаза мастеру Тессе... Ведь милейшая женщина! Так нет же! Угораздило вывести жаб именно перед носом этого напыщенного павлина!

– А ещё я слышал, что он в очень хороших отношениях с Оклером.

– Вот влипла...

Белла зажмурилась, судорожно выдохнула. Только не реветь!

Перед глазами в тот же миг нарисовался кривой домик, стыдливо прилепившийся к самой окраине Тагры, городишка столь крошечного, что пройти его вдоль и поперёк можно было, не устав ни капельки. Скромное жилище с покосившейся крышей и скрипучим крыльцом принадлежало тёте Мэрион, единственной родственнице, женщине суровой и грубой, совершенно далёкой не только от магии, но и от хозяйства. Именно поэтому в доме все годы подряд протекала крыша, а некогда прекрасный сад, который разбил муж тёти, ныне покойный, превратился в непролазные джунгли из крапивы. Каждую осень тётя собирала ту крапиву и сдавала в парфюмерные лавки, где из неё делали отвар, который потом разливали в фор-

мочки для мыла да в баночки под мыльную эссенцию для мытья волос. Это незамысловатое дело приносило тётке небольшой доход, однако его хватало лишь для того, чтобы прокормиться самой да прокормить собственных детей. На ещё один рот лишней монеты не было. А ещё Мэрион приходилась младшей сестрой бабушке Аннабеллы, но звать бабушкой себя категорически запретила, так с первого дня и стала для осиротевшей девочки тёткой.

Магический дар Аннабеллы открылся, когда ей исполнилось двенадцать. В тот день хозяйка продуктовой лавки, куда Беллу направили за зеленью и козым сыром для салата, ещё подарила девочке коробку печенья. С вкраплениями шоколада, оно было такое вкусное, что Белла, открыв коробку по дороге, не удержалась и всё слопала.

Увидев на губах внучатой племянницы след от шоколада и подумав, что непутевая девчонка спустила все деньги на сладости, Мэрион не на шутку рассердилась, но когда поняла свою ошибку, было уже поздно: по всему дому, и без того шаткому, летали подушки, тапки, сковороды, детские игрушки, ключи, мелочь, сумки и прочее, включая даже хлеб для тостов. Магия выплеснулась из клетки, в которой томила и зрела, и сделала это с силой подобной вулкану, а сама Белла не сразу поняла, что, а точнее, кто, вызвал весь этот кавардак. Дети Мэрион от столь бурного проявления волшебства повизгивали: сначала от страха, потом от восторга. Мэрион онемела, а после безуспешно пыталась поймать весело скачущие по воздуху предметы, чем ещё больше развеселила своих детей. Влетело же, конечно, оторопевшей от первого всплеска дара сиротке. С тех пор хаос поселился в доме семейства Керрен, а для Аннабеллы начались одни сплошные чёрные дни.

Что делать со своим даром, она не знала. Как им управлять – тоже. Во всей Тагре не нашлось ни единой книжки, содержащей хотя бы самые общие понятия о магии. Получив от вышедшей из себя Мэрион тапкой по месту пониже спины и требование навести во всём доме порядок, девочка как могла, училась сама. Выходило неважно. Вместо того чтобы из ничего создавать охапку роз или хотя бы тощий букетик лютиков-цветочков, Белла создавала бардак. К счастью, нечасто, но сокрушительно. В конце концов, тётя не вытерпела и обратилась в Высочайшую Комиссию по Контролю Магии. Ради такого дела не поскупилась, купила специальную бумагу для магических писем: такие послания попадали к адресату очень быстро. Своими глазами убедившись, что от чар и колдовства одно только неудобство и зло, Мэрион надеялась, что дар девчонке быстренько запечатают, тут и вариантов-то иных не было. Тагра крошечная, магов здесь не обучали, да и на многие мили вокруг не водилось ни одной школы магии. Однако прибывшие в глухомань сотрудники Комиссии, оценив как масштаб катастрофы, так и потенциал растерянной девчонки, кусавшей губы от бессилия и досады, озвучили госпоже Керрен другой выход. Лишить дара никогда не поздно, постановили они и предложили отдать внучатую племянницу в Верральскую Академию Магического Искусства, при том заметив, что в случае поступления девушке будет предоставлено жильё и питание за счет города. Последнее для ушей уставшей от бесконтрольных выходок Беллы женщины было слаще сахара, и она немедленно согласилась. Однако было ещё одно условие: если толкового мага из девчонки не выйдет, её дар навсегда запечатают.

От неприятных воспоминаний девушка заёрзала на месте. Или она всё же села на соцветие репейника? Смятение подруги уловила Бердис.

– Ты чего?

Белла вздохнула.

– Чую, над моей головой сгустились тучи...

Кайл прыснул в кулак.

– Они над ней всегда были, просто разверзлись именно сегодня.

Бердис сердито посмотрела на брата.

– Он прав, – снова вздохнула Аннабелла. – Я сделала то, что не должна была делать: сняла браслеты без разрешения наставника. А затем устроила погром в оранжерее. Мастер Легрант обязан сообщить об этом ректору. Таковы правила. А это значит...

Бердис всплеснула руками.

– Рано вешать нос!

Однако её брат был иного мнения.

– Она права, – буркнул он в сторону сестры. – Даже если бы правила гласили иначе, магистр Эйверторн всё равно бы всё рассказал. Вы ещё не сталкивались с ним на занятиях, а я уже столько нервов себе испортил.

В подтверждение своих слов Кайл почесал чуть выше ягодиц, как будто именно в том месте и находились те самые нервные клетки, которые было уже невозможно восстановить.

– Он просто терпеть не может хаос, беспорядок, – продолжал юноша, – но особенно не переваривает самонадеянных студентов. Попробуй на его практикумах начудить что-то, на что он не давал добро, – вся группа тут же получит штрафное очко. А всё потому, что магистр Эйверторн считает, что ученики не должны бежать впереди паровоза, ведь они ещё малоопытны, неусидчивы и вообще не могут и рядом стоять с таким совершенством и талантом, как он! А по мне, его основной талант заключается в задирании носа!

Аннабелла совсем поникла.

– Высокомерный, принципиальный и педантичный. Значит, быть мне исключённой!

Её подруга нахмурила лоб.

– погоди паниковать. Оклера сейчас нет в академии, ведь так?

– Так.

– Это раз. До его приезда ещё несколько дней, верно?

– Верно.

– Это два.

– И кроме магистра Легранта, тебя никто не видел, – добавил братец. – Это три.

– Выходит, – продолжала подруга – твоё будущее всецело в его руках! Мой тебе совет: беги от проблем в кусты, а встретиться с ними лицом к лицу! Не прячься, а поговори с мастером Эйверторном. Объясни, что значит для тебя обучение. Расскажи, ничего не утаивая, как тебе важно дойти до конца. Позволить запечатать свой дар и вернуться к тётке ты всегда успеешь, ведь правда?

Вернуться к Мэрион она как раз и не могла: тётя на сей счёт высказалась чётко и ясно, но Аннабелла кивнула. Легче на душе не стало: советовать всегда легче, чем действовать, а тут ещё и Кайл вновь подлил масла в огонь.

– Э, нет, девчонки, – протянул он задумчиво, – ничего у вас с Эйверторном не выйдет. Во всём, что касается магии, его сердце превращается в камень, и разжалобить его невозможно.

Бердис возмущённо сверкнула очками.

– Нет ничего невозможно, как и то, что я вот сейчас как задам тебе кулаком по башке!

– За что?

– За что? Посмотри на Беллу. На ней и так лица нет – ещё ты нагнетаешь.

– Я просто реалист. А ещё я посещаю его занятия. Так что знаю, что говорю. Если Белле удастся растопить эту напыщенную глыбу, то... Ой, что будет!

– А и правда, что же тогда будет? – услышала троица и встрепенулась.

Из-за другого куста гортензии, такого же раскидистого, как и тот, в цветах которого прятались друзья, вышел сам мастер Эйверторн Легрант. С лёгкой ухмылкой на губах, он остановился у самой красивой ветки, что цветом своей пышной шапки вторила едва заметному узору на его стильном пиджаке, и, скрестив на груди руки, ехидно заметил:

– Горю желанием узнать.

Аннабелла сглотнула, разглядев его глаза. Они так и полыхали гневом.

– Пожалуй, пора сваливать, – прошептал Кайл и попятился назад.

– Пожалуй, да, – согласились Бердис и Белла и тоже подались за Кайлом.

– Вот ты! – Эйверторн расцепил руки и указал на Аннабеллу. – Да, ты. Ты останься. А вы двое и правда лишние. – А потом, поразмыслив, добавил: – А ты, умник, после выходных загляни-ка ко мне в кабинет. Разговор будет.

– С вещами? – зачем-то спросил стремительно бледнеющий Кайл.

– С зачёткой, – уточнил мастер.

Глава 5

Проводив взглядом брата и сестру Шу, Эйверторн с досады стиснул зубы.

Глыба, значит! Напыщенная глыба! А он-то к ним!.. С полной отдачей, все накопленные знания – пожалуйста, берите! Сколько вечеров было потрачено на вдумчивое составление плана занятий! Сколько материала перелопачено, чтобы заинтересовать, увлечь! И вот: для одних он – «ушастый сноб», для других – «глыба» и «павлин». И Эйверторн тяжело вздохнул.

Поправив и без того идеальный, без единой морщинки, галстук, укоризненно посмотрел на блондинку-разрушительницу. Медленно сложил руки на груди, выжидательно приподнял бровь.

Девушка поднялась с земли, тщательно отряхнула платье от налипших травинок. У Эйверта появилась возможность получше рассмотреть неумёху, и он этим воспользовался. Девчонка как девчонка, невысокого роста, стройная и ладная, вот только миловидное личико выглядело очень несчастно и виновато.

– Пойдём, – подбородком Эйверт указал направление.

– Куда?

– В мой кабинет. Разговор к тебе будет. Ещё раз спрашиваю: на каком курсе учишься? Кто наставник?

Девушка, сделавшая два небольших шажочка, вдруг остановилась и дерзко вздёрнула подбородок.

– Вы!

– Что?

– Вы. Устав академии запрещает фамильярное обращение к студентам. Параграф четырнадцатый, пункт третий.

От подобного всплеска дерзости Эйверт поперхнулся воздухом.

– Вы, уважаемая, сейчас бодрым шагом дотопаёте до главной аллеи и повернёте к преподавательскому корпусу, в правое крыло. Третий этаж, вторая дверь от лестницы. Жду вас там через четверть часа, – прошипел он. – Имя?

– Аннабелла Керрен, второй курс, – убито представилась девица.

– Через четверть часа в моём кабинете, Аннабелла Керрен. Не вздумайте бегать и прятаться, от меня – бесполезно.

И стремительно зашагал прочь, чувствуя, что вот-вот взорвётся.

Славная прогулочка вышла, что и говорить! Маг в десятом поколении, он никак не ожидал, что студенты были столь гадкого о нём мнения. Да, Эйверт был согласен, что был строг и требователен, как и непомерно талантлив, но впервые слышал, чтобы таланты причисляли к недостаткам!

Однако как бы силён ни был осадок от подслушанного разговора, внезапно Эйверт поймал себя на мысли, что эта Керрен вполне себе ничего. Хорошенькая, только тени под большими голубыми глазами слишком выделялись, да лёгкого загара не хватало чересчур светлой коже. В остальном, такая девица вполне могла бы... Эйверторн уцепился за спасительную мысль и тащил её за собой, как шарик на верёвочке.

Вторая девчонка – рыжая, стриженная, в забавных очках – блондинке уступала. Задорные конопушки не убедили бы придирчивую бабушку. Ни единым пятнышком. И эти мысли, как мантру, Эйверт повторил ещё много-много раз, пока торопился в кабинет.

После погрома в оранжерее хотелось привести себя в порядок. Никакой грязи на одежде Эйверт категорически не выносил, а в его кабинете была отдельная комнатка отдыха с закутком для умывания, ширмой, за которой можно было переодеться, вешалкой с запасным костюмом и рубашкой. Даже кровать имелась на случай внеплановой ночёвки на рабочем месте. Почи-

ститься можно было и магией, но она давала не тот эффект. Простое умывание водой Эйверту было предпочтительнее.

Освежившись, Эйверторн первым делом сменил рубашку. Небрежно подогнул рукава и оставил верхнюю пуговицу расстёгнутой. Затем запросил у секретаря личное дело Аннабеллы Керрен и, когда тоненькая папка аккуратно шлёпнулась ему на стол, погрузился в чтение. Он собирался изучить всё: от списка родственников и наследственности до особенностей зачисления в академию. Может, даже и про страсть к прыгающим и квакающим удалось бы что-то нарыть, но четверть часа, отведённая на подготовку к встрече со студенткой Керрен, истекла быстрее, чем он закончил читать. Девушка, меж тем, являться не спешила.

Решив, что дочитает потом, маг рассерженно хлопнул ладонями по столешнице, поднялся, подошёл к окну и выглянул на улицу. От увиденного почему-то снова зачесались уши. Может, таким образом они подавали сигнал тревоги? Ведь обещанную невесту нужно было представить родне уже на следующий день, а претендентка на эту роль о своей участи ещё не знала.

Аннабелла стояла на высоком крыльце и беседовала с Кайлом. Наблюдая за ними, Эйверт усмехнулся: это рыжее недоразумение Шу хоть и вёл конспекты аккуратно и научился отличать «Иглу» от «Веера», тем не менее в глазах Эйверторна был отменным разгильдяем. Так что «зануду» мастер Лэгрант спускать своему студенту не собирался. Но и не планировал мстить прямо сейчас. В конце концов, ценнейшее время утекало по капле, а главный разговор, к которому Эйверт усиленно готовился, так и не был до сих пор начат.

Маг снова недовольно посмотрел сквозь стекло: Аннабелла не переставала болтать, то и дело поправляя своевольную прядь волос, спадающую на лоб, а Кайл Шу, в пару секунд преодолев несколько ступеней вверх, вдруг на мгновение приобнял девушку. От увиденного Эйверта перекосило. Нет, он, конечно, никогда не выступал против проявлений между студентами заботы и даже, возможно, нежных чувств, но, в конце концов, это ему грозил Тюлений Хвост, а не какому-то там третьекурснику Шу!

Не в силах более слушать, как напольные часы в углу неумоимо отсчитывают ценные минуты, Эйверторн применил «Жало». Маленькое безобидное заклинание слетело с кончиков его пальцев, беспрепятственно преодолело закрытое окно и искоркой соскочило вниз. Аннабелла покачнулась, схватилась за бок, следом – за подставленное плечо своего друга и заозиралась. Но укол подействовал – эти двое расцепились. Кайл кивнул и сбежал по ступенькам вниз, а девушка скрылась за тяжёлыми двустворчатыми дверями, изрезанными древними символами.

Эйверторн на минутку вернулся в комнатку, чтобы сложить запачканные вещи и потом отнести их домовладелице: за отдельную плату она предоставляла услуги прачки. В этот момент в кабинет нерешительно поскреблись. Дверь приглашающе распахнулась.

– Смелее, Аннабелла Керрен! – выкрикнул маг. – В ректорской оранжерее вы хозяйничали гораздо увереннее!

Двери распахнулись.

Настороженно сверкая глазами, горе-студентка перешагнула порог и огляделась. Взгляд зацепился за приоткрытую дверь в комнату отдыха, и девушка замерла, как на стенку наткнулась. Эйверт вышел, на всякий случай оглядел дверь: нет ли каких пятен. Не нашёл ничего подозрительного, пожал плечами и указал Аннабелле на свободный стул, а сам уселся за разделяющий их массивный письменный стол. Аккуратно примостившись на краешке стула, девушка сложила руки на коленях и опустила взгляд в пол. Все её поза была одно сплошное чистейшее раскаяние.

– Я внимательно слушаю ваши объяснения, – произнёс маг.

Керрен вскинула голову, и Эйверт тотчас понял, что ошибся. Никакой кротости и покаяния во взгляде Аннабеллы не было. Её глазищи цвета весеннего неба блеснули отчаянием.

– Вы же сами всё видели, – пылко выдала девушка.

– Объяснений я не видел, но стал свидетелем полного разгрома любимого уголка господина Оклера и квакающих под ногами жаб. Что касается жаб, тут...
Мастер не договорил и как-то странно взъерошил на себе волосы.
– Впрочем, не будем о них... – пробормотал он и снова обратился к девушке. Поймите, Аннабелла, на втором курсе таких ляпов уже не может быть. Ни у кого. Ни с жабами, ни с гусеницами, ни с толстобрюхами игольчатыми. Концентрации и контролю учат ещё зелёных первокурсников, а вы, простите, где были в то время? На танцы бегали?!

Девушка открыла рот и тут же плотно сомкнула губы, руки сжались в кулаки. А Эйверторна несло:

– Что же вы молчите? Неужели я угадал с танцами?

Нет, он и сам каких-то пять-шесть лет назад ходил в студентах и прекрасно помнил тягу сокурсников к развлечениям. И танцы, и вечеринки, и безумные ночные вылазки – всё было. Не у него – у других. А что до Керрен, так яркая верральская жизнь после – откуда там она родом? – захолустной Тагры вполне могла вскружить голову. Может, потому и учёба пошла под откос, и браслеты выдали, раз полученных знаний до сих пор не хватало, чтобы обуздать дар. И Эйверт снова презрительно поджал губы: опять ему достался самый настоящий тунеядец, коих он ни под каким предлогом не терпел – в этом веснушчатый Шу дал своему учителю верную оценку.

Девушка судорожно вздохнула.

– Я хотела позаниматься с червяками... – начала она неуверенно.

– Чем? – заинтересовался Эйверторн, приподняв брови. – Витарским языком? Рунами? Или всё же... танцами?

– Всего лишь изменением габаритов, – тише произнесла Аннабелла. – Я... раньше не справлялась с увеличением размера, но на последних занятиях у меня кое-что получилось, и мне нужна была дополнительная практика.

– Я понял, – закашлялся Эйверт. – А практических занятий в вашем расписании, значит, недостаточно.

– Нет, их хватает, но...

Девушка стыдливо умолкла.

– Но вы почему-то устраиваете тренировки самостоятельно, вместо того чтобы проводить их под бдительным оком наставника, хотя прекрасно осведомлены, что это грубейшее нарушение правил, установленных в стенах нашего учебного заведения.

Нарушительница подняла на мага глаза, испуганные и виноватые. Пальцы скомкали немнущуюся ткань форменного платья. Эйверт понял, что попал в точку! И окончательно убедился в своём мнении, скользнув ещё и ещё раз по лицу Аннабеллы полным гнева взглядом.

Лицо как лицо, и кожа сияла свежестью, но Эйверта так просто было не провести! Общение с актрисами как первых, так и третьих планов не прошло даром – он прекрасно знал причину столь чистого сияния. Она была столь же проста, как заклинание стирания жевательной смолы со студенческих парт: хоп – и всё чисто! Имя той причине было эликсир «Прелесть», и продавался он прямо на территории академии, стоил при этом недорого и был в почёте у местных девушек, так как эффект давал мгновенный. Один глоток – следы недосыпа стирались напрочь, кожа сверкала, а взгляд... взгляд становился таким загадочно томным, что пройти мимо него было настоящим кошунством! Завсегдатаи ночных посиделок в пабах и любители танцев до утра не расставались с тем эликсиром ни на минуту, отлично маскируя усталость и не давая вьедливым профессорам ни единого повода придраться к внешнему виду и упрекнуть нерадивого ученика в несоблюдении распорядка дня.

– Я не хотела сделать ничего плохого, мастер Легрант! – выпалила Аннабелла и смутилась. Взгляд, которым Эйверторн прожигал каждую черточку её лица, не предвещал ничего хорошего и даже... пугал.

– Скажите это бедным цветам, – съязвил Эйверт, окончательно убедившийся в правоте своих умозаключений. Иначе и быть не могло, перед ним сидела самая настоящая пустышка, только зря занимающая чьё-то место. – Сидели себе в земле, никому не вредили, глаз радовали, благоухали...

Девушка всплеснула руками.

– Я пыталась вернуть всё обратно!

– Это было феерично, никогда не забуду. Даже представить не могу, сколько заклинаний вы смешали в одну кучу. Замечу: бестолково смешали.

– Я не смешивала! Я умею их различать.

– Да? Что-то я не заметил, – продолжал иронизировать Эйверт.

И тут девушка вспыхнула. В самом прямом смысле слова.

Волна огненных всполохов хлынула напрямиком с её рук в сторону мага, обдав того жаром. Одна из искорок врезалась ему в грудь и тут же оставила на светлой рубашке дырку. Охнув, маг шлёпнул по ней ладонью, полной льда, и молниеносно скатился со стола. Аннабелла, вскочив на ноги, отчаянно затрясла руками, но магический огонь, летевший с пальцев, не думал затухать.

– Замри! – гаркнул Эйверт девушке и повернулся к столу.

Тот занялся мгновенно, а кровожадные языки магического пламени, что было в разы сильнее и быстрее пламени обычного, тут же слизнули все бумаги, превратив в пепел и личное дело студентки Керрен. Кабинет наполнился едким дымом.

Одного мощного заклинания хватило, чтобы горящую столешницу сковало льдом. А после новый всплеск силы ринулся с пальцев Эйверта, и дым, окутавший помещение, тут же рассеялся, дав возможность снова нормально дышать. Третье заклинание восстановило обгоревшие документы и тетради. Почти все. Вернуть копию личного дела Аннабеллы не удалось.

Выдохнув, маг повернулся к помертвевшей студентке. Она таращилась то на него, то на письменный стол, восстановленный с филигранной точностью.

– Лучше бы землей шарахнула, – устало отругал Эйверт. – Она хоть не так воняет.

– Простите, – мышкой пискнула девушка.

– Студенты, не способные контролировать собственную магию, должны носить на руках браслеты. Так, кажется, гласит десятый пункт двадцать шестого параграфа устава, на знание которого вы не так давно претендовали. И где же они у вас? Не знания – браслеты. Про знания-то я уже всё понял.

Аннабелла охнула и уставилась на руки.

– Я... забыла их. Простите, мастер Легрант, я...

– Стихийное бедствие, – припечатал Эйверт. – И как академия ещё на воздух не взлетела? Ладно. Сядьте. Сядьте и дайте мне ваши руки.

– Зачем?

– Затем, чтобы не случилось ещё какой беды.

Усадив девушку на стул, Эйверт опустился рядом на корточки и обхватил пальцами тонкие запястья. Вопреки вырвавшейся магии, руки у девушки были холодными. Ограничивающая поток силы печать была наложена Эйвертом быстро, и в завершение на коже были выписаны запирающие руны.

– Ну вот, – удовлетворённо хмыкнул маг и поднялся. – Я ослабил ваш дар на два часа. За это время настоятельно советую разыскать браслеты и надеть их.

– Спасибо, – выдохнула девушка, рассматривая запястья. – Мастер Эйверторн... Простите меня. Я сама не знаю, как так вышло. Я не...

– Вы не хотели, – с язвительной любезностью подсказал маг. – Я не сомневался, что вы это скажете. Но посчитайте сами: цветы, мой кабинет... И это только за пару часов! И лишь потому, что вы не считаете нужным следовать дисциплине. А сколько ещё у вас было тех разрушений, о которых никто не знает? Ну? Сколько?

– Почти нисколько, – слабо запротестовала девушка.

– Отдыхая в кустах гортензии, вы говорили другое.

Горе-поджигательница вспыхнула.

– Это мерзко!

– Игнорировать правила и разгильдяйничать? Полностью с вами согласен. Крайне мерзко!

– Подслушивать! Подлю и мерзко!

Эйверт ухмыльнулся, вновь присел на краешек стола, привычно сложил на груди руки.

– А обсуждать учителя за его спиной не мерзко? После того, что я услышал, я прямо горю желанием встретиться с вашим наставником. Кто там вас курирует? Магесса Тиланор? Видимо, она неважно справляется со своими обязанностями, раз её студенты совсем распоясались. Занимаются ерундой вместо учебы.

– Неправда!

– Концентрация и контроль, Керрен, достигаются к концу первого курса. Первого! А вам и на втором это не под силу.

– Знаю. Я стараюсь исправить.

– Плохо стараетесь.

– Целью сегодняшней практики была как раз отработка...

– ...размеров жаб? Или бородавок на их шкуре? Знаете, Аннабелла, за такие дела, что вы творите, между прочим, лишают магии. Да-да. И это тоже прописано в уставе! Параграф сорок восьмой, пункт...

Девушка вздрогнула.

– Только не запечатывание!

Эйверт прищурился.

– Жаль, что в этом году я отказался брать второй курс. Уж я бы не позволил вам фило- нить. У меня вы соблюдали бы дисциплину, и дополнительные занятия под моим руководством сделали бы из вас...

– Как же хорошо, что вы ведёте только третий курс! – в порыве эмоций выпалила девица и тут же покраснела, сообразив, что сморозила. – Простите.

Эйверт разнял руки.

– Ну-ну, я весь внимание. Хочешь повторить слова безмозглого Кайла? Давай. Не трусь. Одно дело – шушукаться в кустах, другое – высказать всё в глаза.

В ответ на столь мощную атаку, когда даже устав был отменён в сторону, Аннабелла вскинула голову и смело посмотрела на мастера Легранта. Не сдержалась и выдала:

– А всё, что говорил мой друг, очень даже похоже на правду! Вы делаете выводы, ни секунду не сомневаясь в своей правоте. И не даёте мне сказать ни слова в свое оправдание. Постоянно перебиваете.

– Оправдываются лишь виноватые.

– Вот снова доказали, что Кайл прав! И что же теперь? Сдадите меня ректору?

Эйверт смотрел на девушку в упор. Внешне он выглядел холодно и бесстрастно, но внутри всё клокотало. Нет, вовсе не от возмущения поступками и словами девицы, а от страха. Страх, что ляпнет что-нибудь не ко времени, а эта пигалица раскусит его план и поймёт, что она ему в разы нужнее, чем он ей.

Эйверт упёрся ладонями в столешницу.

– Мои действия будут всецело зависеть от твоего решения, Аннабелла, – протянул он и тут же перехватил инициативу, заметив, как девушка приготовилась сделать очередной выговор по поводу очередного наглого «ты». – И давай пока забудем про четырнадцатый параграф. Он только мешает. Обещаю, что если мы с тобой сейчас договоримся, то господин Оклер ничего не узнает ни об ирисах, ни о жабах.

Аннабелла подозрительно прищурилась, однако ничего не сказала. Столь мирная пауза приободрила Эйверта.

– Последствия твоего корявого колдовства я бесследно устраню, и по возвращении господин Оклер найдёт оранжерею чистой, а все до единого цветы будут возвращены к себе на клумбы. Тебя не отчислят, но...

– Но что же вы хотите взамен? – разомкнув сухие от напряжения губы, уточнила девушка.

Эйверт отлепился от стола, на шаг приблизился к стулу, а Аннабелла тут же вскочила и шагнула за резную спинку.

– Во-первых, мы договоримся, что всё сказанное здесь и сейчас останется между нами, – начал маг.

Вглядываясь в лицо девушки, он никак не мог понять, что было у неё на уме. Оттого снова разволновался и даже поправил воротник рубашки, словно тот был удавкой. Откашлялся.

– Во-вторых, – и поверь, это сущий пустяк! – проведи со мной вечер. Этого будет достаточно...

– Что?

– Подари мне всего один вечер, и я...

– Да как вы смеете?!

Эйверт недоумённо моргнул.

– Ну, не садовые же дорожки я заставлю тебя чистить.

Второй раз моргнуть Эйверт не успел: тонкая изящная рука взметнулась перед его лицом.

Звонкий шлепок разрезал тишину кабинета. Эйверт опешил. Ему никогда раньше не случалось получать оплеухи от хорошеньких девиц, и что делать в таком случае, он не знал. Потому и на сердитый стук каблучков отреагировал не сразу. Лишь яростно хлопнувшая дверь привела его в чувство.

– Аннабелла, подожди! – крикнул он. – Ты меня не так поняла!

Бросившись следом, застыл напротив зеркала рядом с дверью. Собственное отражение имело весьма непрезентабельный вид: дикий взгляд, на лице алое пятно... Эйверт приложил к пылающей щеке ладонь. Покалывающий магический холодок привёл в чувство и убрал след пощечины. Рванув на себя дверь, впечатался в своего же третьекурсника. Высокий парень, почему-то облачённый в накидку с капюшоном, хоть за окном и стоял тёплый, погожий день, болезненно морщась, затараторил:

– Мастер Легрант, какое счастье!

– Надеюсь, ты хоть не насмехаешься, – пробормотал Эйверт, посмотрев через плечо студента в коридор. Аннабеллы Керрен и след простыл. Вот бездна!

Скользнув взглядом по запыхавшемуся парню, внезапно отметил про себя, что с тем явно что-то не так, и бесцеремонно скинул капюшон с его головы. Из копны тёмных волос торчали уши, подозрительно смахивающие на ослиные. А ведь ещё утром их и в помине не было. Когда заискивающе дёрнулось левое ухо, у Эйверта в ответ дёрнулся правый глаз. Студент же неуверенно улыбнулся и нечаянно продемонстрировал ряд крупных белоснежных зубов. Но вишенкой на торте был настоящий ослиный хвост, выглянувший из складок накидки.

– Вот бездна! – только и изрёк маг. – Мало было в наших стенах жа...хм., теперь и осла заделали. С вами-то что?!

– С нами случилось кое-что лишнее, – выдавил из себя парень.

– То есть вы не один такой осёл?! – опешил маг. – И много вас?

– Четверо.

Эйверт мученически поднял бровь. Ему бы скорее догнать и как следует объясниться перед кандидаткой в «невесты», но «осёл» не собирался двигаться ни вправо, ни влево, ни вообще каким другим способом освобождать проход.

Эйверт опёрся плечом о косяк. Приглашать «осла» в кабинет он тоже не думал.

– Я вас слушаю, но окажите любезность, будьте кратки, – сказал он и тут же добавил, сообразив: – А, может, вам лучше к целителю?

– Мастер Эйверторн, наш куратор – это вы!

– Я – куратор, а не специалист по ослам. Но в любом случае вы правы. Сначала изложите суть мне, а потом я провожу вас к Шайну.

Маг едва сдерживал злость: время утекало, девушка убежала, а ему остался один сплошной зоопарк!

Высоким ломким голосом, то и дело срываясь на блеяние, студент спешил объяснить, каким образом он и трое его товарищей обзавелись лишними конечностями и лошадиными зубами. Выразительно вздохнув, Эйверт потребовал отвести его к остальным пострадавшим. Те с самым унылым видом прятались в комнате, все как один завернутые в плотные тёмные накидки. Все как один поёжились под цепким взглядом куратора.

Дело было до нелепости простое. Четвёрка весёлых третьекурсников всего лишь хотела подшутить над девчонками. Точнее, подсмотреть за ними и сделать это, разумеется, в душевых, расположенном на первом этаже женского общежития. Попасть внутрь не позволяла защита, встроенная в двери, окна и даже стены, но смекалистые заклинатели нашли выход. Потратив несколько вечеров, они общими усилиями изготовили состав, который не далее как вчера нанесли аккуратно на внешнюю стену душевых. Несколько минут – стены сделались прозрачными.

– Ослы как есть ослы, – признал Эйверторн. – С такими шутками завязывают ещё зелёные первокурсники, но вы-то!..

Застигнутые врасплох девицы не сразу разобрались, что не так, а, разобравшись, не стали поднимать громкий визг. Девчонки-третьекурницы всегда прилежнее парней учили материал и оказались сообразительнее. Решив не откладывать месть в долгий ящик, утром за общим завтраком в столовой незаметно подменили партию булочек, посыпанных сахарной пудрой.

– У сдобы привкус был немного другой, – оправдывался парень, считавшийся в четвёрке заводилой. – Ванили слишком много. Но вкусные.

Изменения начались не сразу. Но к определённом часу на макушке у каждого из шутников проклюнулись мохнатые уши, а уж когда хвосты полезли...

– Они превратили нас в форменных ослов, – горько подытожил щуплый блондин.

– Хорошо, что не в лягушек, – хмыкнул Эйверт и на несколько мгновений испытал нечто вроде гордости за своих заклинательниц, однако быстро вернул лицу суровое выражение. – Оставлю вас в таком виде, пожалуй. Ещё на сутки. Для закрепления эффекта, так сказать. А завтра вечером, не ранее шести, явитесь к господину Шайну за зельем. Я его предупрежу.

– Но мастер Легрант?!

– Ну, не нойте, вы же мужчины! Или всё же ослята неразумные? Будет вам урок поразмыслить над своими шуточками. А от ушей и хвостов никакого вреда нет, даже, наоборот, сплошная польза: на развлечения не потянет. Может, хоть сегодня за ум возьмётесь и выучите заданное на выходные. Обещаю, на первом же занятии спрошу каждого из вас.

Распрощавшись с влипшими в переделку мальчишками и проведав Шайна в целительском крыле, Эйверт облегчённо выдохнул, когда наконец остался один и смог вернуться к собственной животрепещущей проблеме.

Со студенткой Керрен вышло всё хуже некуда! Девицу следовало срочно найти и спокойно с ней объяснить. Но, обежав все здания и помещения, где могла бы находиться Аннабелла, час спустя маг готов был биться головой о косяк. Эта несносная ускользала от него всеми доступными ей способами, и он никак не мог угадать, куда она двинется в следующий раз.

Порядком вымотавшись, Эйверт прибегнул к другому способу – отправил почтового шмеля, нацепив на него полагающиеся заклинания. Прочсть послание могла лишь Аннабелла. В руках постороннего же письмо не показало бы ни одного понятного слова. Слишком много писать не стал, ограничился лишь извинением за свою нескладную речь и попросил о ещё одном разговоре наедине. Добавил, что ничего дурного в виду не имел и что речь шла всего-то об ужине в узком семейном кругу. Назначил время и место для решающего разговора, а затем выпустил шустрого шмеля и приготовился ждать. Но вместо фальшивой невесты ему пришлось побеседовать с половиной своего семейства.

Мама настойчиво выясняла, какие блюда любит пассия её сына, а ещё – подходящий ли случаю костюм подготовил себе Эйверт. Сам Эйверт не заглядывал в гардеробную вообще, и костюм в сравнении с угрозой провалить план был для него совершеннейшим пустяком.

– Так что она любит? Может быть, рыбу? Какую? – допытывалась госпожа Иветта.

«Жаб она любит. Розовых и в голубую крапинку», – едва не буркнул маг.

– Мама, мы с ней не столько лет вместе, сколько бабушка с дедушкой. Когда будем, я непременно буду знать о ней всё-всё и даже то, что она сама о себе не знает.

Госпожа Иветта согласно кивала, слушая сына, а у того сводило скулы от беспечных улыбок, коими приходилось одаривать мать за время столь тягостного разговора.

Госпожу Иветту сменил Грэг Лэгрант. Его шмель, толстенький и неповоротливый, без усилий преодолел все материальные преграды и плюхнулся в ладони Эйверта. Дед нервничал, не знал, чего ожидать, и окольными путями стремился выведать у скрытного внука побольше сведений. Терпение было на исходе, но Эйверт держался, сидел ровно и всячески старался скрывать охвативший его ужас.

– Кстати, насчет Манхельмов, дед. Думаю, нет никакой необходимости в их присутствии на ужине. Мероприятие-то семейное, – последнее слово Эйверт особенно выделил. – Они частью нашей семьи не являются. Может, отменить приглашения?

Дед отвёл глаза и почесал такое же острое, как и у внука, ухо.

– С Манхельмами общается бабушка, так что лучше тебе с ней обсудить этот вопрос. А вообще она очень ждёт тебя и твою избранницу. Извелась вся.

– Не хотелось бы неприятных сюрпризов, дед.

– Нам всем не хотелось бы, Эйво.

Они ещё немного поболтали, пока Грэг Лэгрант не вспомнил, что пора снимать пену со смородинового вина, которое он поставил два дня назад. Разволновавшись, что не успеет, он быстро закончит разговор и исчез, оставив Эйверта наедине с самим собой.

Облегчённо выдохнув, маг первым делом проверил шмеля, которого отправил студентке Керрен. Послание до сих пор оставалось не прочтённым. Раздосадованный и уязвлённый, Эйверт отправил девушке нового шмеля, и в новом письме назначил новое время для встречи, перенёс её на утро. Позже уже некуда. Затем потащился домой и долго не мог уснуть, ворочаясь в постели и всё гадая, явится ли эта строптивая девчонка к нему утром или нет. Время стало его злейшим врагом: он не успевал заменить Аннабеллу никем другим.

А утром всё стало совсем отвратительно.

Не прибегая к помощи почтовых насекомых, Хильда Лэгрант вновь явилась в квартиру внука через зеркало, и Эйверт, едва взглянув на изображение, содрогнулся.

Бабушка выглядела плохо. Лицо сливалось цветом с подушками, запавшие глаза были охвачены лихорадочным блеском, сухие губы – потресканы и сжаты. Иначе говоря, всегда и во всём великолепная Хильда Лэгрант являла собой невыносимую муку и страдания.

– Эйви, – прошелестела она замогильным голосом. – Мне немножко нездоровится, золотце. Не хочу никого пугать и неудобства делать никому из вас тоже не хочу, но вы уж потерпите меня ещё немного...

– Да что ты такое говоришь, бабуль?! – запротестовал Эйверт.

Бабушкино нездоровье на «немного» совсем не тянуло, и впервые за долгое время Эйверторн по-настоящему испугался. Да, Хильде случалось раньше играть на нервах любящей семьи, устраивая мнимые приступы, волнения и суету, но среди подстроенного бывали и настоящие, скручивающие старческое тело жгучей болью. Даже дед, проживший со своей властной супругой бок о бок много лет, не умел определять, где – болезнь, а где – очередная порция манипуляций.

– Милый мой мальчик, если б это была шутка... Но это называется старость, и победить её не под силу ни одному, даже самому величайшему магу!

– Бабуль...

– Не перебивай. Мне сложно много и долго говорить, поэтому буду краткой. Приезжай домой. Скорее.

– Я собирался вечером...

Хильда слабо хмыкнула.

– Вечером... Дотяну ль я до вечера-то?

– Но ведь ужин... и Манхельмы...

– Ужин, Манхельмы... Это всё пустое в сравнении с тем, что жить мне осталось, может, всего пару часов. Приезжай домой, Эйви. Я так хочу тебя увидеть, прежде чем...

Бабушка всхлипнула.

Эйверт нервничал.

– Бабуль, оставь эти мысли! Ты что это такое удумала?!

– Это не я, внучек. Это старость, старая хворь и... снова старость.

Эйверт впился взглядом в зеркальное изображение. Неужели всё правда? Хильда, конечно, бывала невыносимой, но это она качала его колыбельку, она рассказывала на ночь сказки, она помогала справиться с первыми бесконтрольными всплесками-приступами магического дара, она... Но почему же родители ничего не сообщили?

– Дождись меня, бабушка, – выговорил он.

Хильда послала внуку вымученную улыбку и погасла.

Эйверт собрался к выходу быстро, но перед тем как переступить порог, ещё раз потянулся магией в сторону стен академии. Увы, Аннабелла Керрен так и не открыла ни одно из его посланий. Нужно ли было ещё одно, Эйверт не знал. Учитывая то, что случилось с бабушкой, о невесте сейчас в его доме вспомнят в самый последний момент. И всё же какое-то третье чувство усадило мага за стол и заставило отправить третьего шмеля. На этой раз последнего.

«Аннабелла, как я уже писал, обстоятельства складываются так, что я очень, очень хотел бы просить вас принять моё приглашение на ужин сегодня в семь вечера. Это будет ужин в кругу моей семьи, и обещаю, что всё пройдет достойно и никоим образом не оскорбит вас. Взамен на эту услугу я гарантирую вам, что никто и никогда не узнает об инциденте с цветами господина Оклера. С надеждой на ваше согласие, Эйверторн Легрант».

Приписав подробный адрес, Эйверторн подбросил шмеля вверх.

Пока наполненное магией насекомое расправляло прозрачные крылышки, успел несколько раз подумать, правильно ли поступает. Вероятность, что в фальшивой невесте уже нет необходимости, была очень высока.

Однако что-то менять было уже поздно: шмель взмыл к потолку и зажужжал прочь от квартиры мага, а Эйверт, выбежав из дома, свернул на соседнюю улицу, нашёл свободный

экипаж и назвал знакомый с детства адрес. Незнание и нерешённая проблема выбивали почву из-под ног. Впрочем, не впервые.

Глава 6

Всю дорогу, показавшуюся Эйверторну бесконечной, он не находил себе места, гадал, как встретит его родной дом.

Роскошный фамильный особняк встретил величественным молчанием. Четырёхэтажный дом, дополняемый просторной мансардой, стоял в самом красивом месте на земле. Из окон, что выходили на север, открывался вид на пологий холм; с южной же стороны была видна извивающаяся змеей узкая река, а от неё зеленой волной накатывалась на стены дома аккуратная лужайка, постепенно переходя в ухоженные пестрые цветники. Здесь и начинались владения Хильды Легрант, некогда одной из самых могущественных магесс, с мнением которой до сих пор считались не только влиятельные маги, но и сам глава Высочайшей Комиссии. Последний, кстати, по молодости не отказывал себе в ухаживании за молоденькой Хильдой и даже за кружкой-другой пива порой откровенничал, что научил магессу Легрант некоему секретному заклинанию, о котором на свете знали лишь трое: Хильда, сам глава Комиссии и его мама, ныне уж лет двадцать как покойная. Правда то была или нет, никто не знал: старая Хильда умело держала язык за зубами. Однако с главой Комиссии и правда была дружна и частенько приглашала в дом на чай. Тот принимал приглашения с большой охотой, наряжался и выливал себе на плешь душистой воды больше, чем на прием к бургомистру, и всегда приезжал с охапкой алых роз, чем вызывал огромное недовольство у Грэга.

Парк вокруг дома Легрантов утопал в цветах. Гвоздики, левкои, колокольчики и, конечно же, розы, чайные, белые, пурпурно-красные и алые, радовали глаз, и их неистовое цветение давало хозяевам много пищи для гордости. А в самом центре подстриженной круглой лужайки, прямо напротив парадной лестницы, стоял большой кедр, и именно из-под его душистой сени Эйверторн и оглядел клумбы, ласково озарённые послеполуденным солнцем, а затем посмотрел на тяжёлые двери, в которые предстояло войти, и тяжело вздохнул. Сделав шаг в направлении входа, внезапно замер на месте, так как именно в этот момент двери принялись медленно открываться, и прилегающий к помпезному особняку дворецкий, вышколенный по всем правилам, встретив молодого мага на широком крыльце, громко и на весь первый этаж огласил:

– Мастер Эйверторн Легрант! – и зачем-то добавил: – Собственной персоной.

Эйверт хмыкнул.

Пафос его семья любила, но особенно всё пафосное обожала бабушка. Но коль уж присущая дому Легрантов манерность сохранялась несмотря на тревожные новости, которые побуждали мага сорваться из академии домой раньше положенного, значит, бабушка была ещё в сознании и каком-никаком здравии, иначе тот же дворецкий, вместо того чтобы околачиваться у входа, давно бы сидел в библиотеке, где мать приспустила бы шторы, а отец, смахивая скучную слезу со щеки, наливал всем горькой настойки, которую домочадцы обыкновенно пили по совсем уж печальному случаю. Последний раз графин с той настойкой открывался лет этак десять назад, когда до семьи дошли вести о старшем сыне Иветты и Нейта. Выпито тогда было невероятно много, особенно дедом и отцом. Но время шло, и со случившимся все свыклись, и горькой гадостью печаль более не заливали, ведь, в отличие от старшего брата, Эйверторн не давал родне ни одного повода в нём разочароваться. Пока не давал.

Оглушённые воплем дворецкого Иветта и Нейт Легранты вздрогнули одновременно, а сидевший в кресло-качалке Грэг вынырнул из каталога семян, в который был погружён. Это было новейшее издание, которое ему два дня назад преподнёс сосед, и за эти два дня Грэг уже успел отметить несколько сортов роз, которые непременно хотел развести в саду. Ароматом и величиной бутона они должны были превзойти те, с которыми на чаепитие обычно заявлялся

глава Высочайшей Комиссии, так что возможность уделать плешивого «соперника» была у Грэга уже почти в кармане, и он ни в коей мере не хотел её упускать.

Обменявшись тёплыми объятиями с мамой и позволив отцу и деду похлопать себя в знак приветствия по плечу, Эйверторн быстро поднялся по лестнице на второй этаж. Именно там, в крыле, нависающим над уютной беседкой, располагались комнаты бабушки. Их было две – кабинет и спальня, – и отделялись они друг от друга раздвижными дверьми, обитыми расписным шёлком. Крохотные бабочки кружили вокруг стеснительных розовых хризантем на почти черном фоне, и любоваться этим узором можно было сколько угодно (никогда не надоест), но в этот день Эйверторн прошел мимо красоты, даже не одарив её мимолетным взглядом.

Бабушка казалась очень маленькой в постели, имевшей поистине королевские габариты. Окна в спальне были открыты, и воздух в комнате напоен цветочным благоуханием, но бледно-голубые глаза Хильды Лэгрант переполняла глубочайшая меланхолия. Губы женщины горько кривились, а лоб испещрили морщины. Болезнь, внезапно охватившая главу семейства, стремительно высасывала из неё все соки, и от увиденного Эйверту стало не по себе. Но не спешил верить тому, что видели глаза: слишком хорошо знал свою бабушку, умевшую даже собственное здоровье или нездоровье преподносить в самом выгодном ей свете.

Опустившись в заботливо придвинутое к кровати кресло, Эйверт взял руку Хильды в свои и участливо поинтересовался:

– Ты как?

Бабушка приоткрыла один глаз и испустила тяжёлый вздох. Такой, каким обыкновенно одаряет своих наследников умирающий, готовящийся вот-вот отойти в мир иной.

– Пусть подойдёт поближе, – прошелестела Хильда. И даже слова давались ей с невероятным трудом.

Эйверт огляделся.

– Здесь только я, бабуль, – ответил он. – Кого ты хочешь, чтобы я позвал? Мару? Хлою? – внук перечислил имена любимых служанок бабушки.

– Её, – простионала Хильда. – Невесту твою.

Эйверт задумчиво прищурился.

– Невесту?

– Разве она не с тобой?

Хильда приоткрыла второй глаз и попробовала приподняться на локтях. Эйверторн вскочил с кресла и бросился к бабушке, чтобы помочь ей сесть и заодно подложить под спину побольше удобных подушек.

– Конечно, я приехал без неё. Я так перепугался, что бросил всё и сразу рванул сюда.

– Ох, Эйви, какой же ты милый.

– Ты-то как, бабуль? Может, нужны какие лекарства? Целитель Шайн из моей академии очень талантлив. Он и для тебя зелье изготовит, а то и эликсир жизни! Сердечные капли, что я посылал тебе в прошлый раз, оказались неплохи, не так ли?

Хильда закашлялась, пренебрежительно дёрнула рукой поверх одеяла.

– Это ваше целительство – одно из величавших заблуждений нашего времени. Многие люди сейчас умирают далеко не от болезней, а от микстур и снадобий. А уж старость так вообще никто лечить не научился. И никогда не научится! Сколько нам отмерено – мы не знаем, но мне почему-то кажется, что высшие силы решили подарить мне чуть более пары часов, чем я думала изначально.

Поправив последнюю подушку за спиной бабушки, Эйверт выпрямился и скрестил на груди руки.

– То есть ты уже не умираешь? Видение было, да?

Хильда сдавленно вскрикнула и приложила руку к сердцу.

– Умираю, конечно, – промычала она и снова прикрыла глаза.

В воздухе запахло уткой и печёными яблоками, и Эйверт, поведив ноздрями, одарил Хильду прищуренным взглядом. Лёгкое жжение пощекотало кончики ушей.

– И ужин, как я погляжу, не отменён?

– Как можно отменить утку, когда яблоки уже порезаны, а тимьян перетёрт до правильной консистенции? – ужаснулась бабушка. – Ведь ты собирался представить нам свою невесту! Неужели мы бы не накормили её нашим фирменным блюдом? Если бы я только знала, что девушка не приедет...

– Она приедет, – внезапно выдал Эйверт и сам испугался сказанного. Судьбу последнего послания Аннабелле было уже не отследить, а шансы, что девица Керрен пойдёт на сделку, были ничтожно малы. Пожалуй, даже меньше того, что бабушка и правда была больна. Подозрения, не покидавшие Эйверта с самого начала пути домой, не только не притихли, но и разгорелись с большей силой. И утку в роду Легрантов никогда не готовили на поминки. Что-то явно было не так...

Эйверторн окинул взглядом спальню. Всё на своих местах, и даже покрывало было прежним, нежно-фисташкового цвета. В углу – туалетный столик, полный баночек с кремами, ароматных саше и склянок с душистой водой. Последняя вполне пригодилась бы, но, как назло, склянки были плотно закупорены. На подоконниках – цветы в горшках. Земля сухая, видимо, давно не поливали, и даже из поддонов всё давно испарилось. Эх, а ведь пары капель вполне хватило бы... Что там дальше? Два мягких пуфа, чайный столик, на котором ни одной чашки ни с кофе, ни с молоком... Всё это совсем не годилось. Нужна была вода. Совсем чуть-чуть. Какая-то пара брызг! И Эйверторн незамедлительно бы понял, притворяется бабка или взаправду слегла с чуть ли не смертельным приступом.

Магесса Легрант, пока её внук беспокойным взглядом ощупывал комнату, чуть повернула голову в его сторону и внимательно следила за каждым движением. Не упустила из внимания ни едва заметную ухмылку в уголках губ, ни одержимый блеск в глазах, ни почёсывания уха – привычку, от которой Эйви никак не мог отделаться и к которой прибегал в момент крайней нервозности.

Их взгляды – Хильды Легрант и Эйверторна – встретились лишь через пару минут, и тут же оба упали на бокал из редкого лазоревого стекла, наполненного голубоватой жидкостью, в которую Хильда обыкновенно опускала на ночь свою вставную челюсть.

Вода – стихия, в которой Эйверту не было равных. Почти не было. Талант управлять водой в любом её проявлении достался ему от бабушки, и если бы им двоим пришлось выйти друг против друга на ринг в ежегодном состязании «Чародей года», то Эйверторн неминуемо бы проиграл. Однако этим вечером то ли молодость взяла верх, то ли бабушка и правда сдала настолько, что не успевала за внуком, но Эйверт «дотянулся» до стакана первым. Вода показывала истину, надо только уметь смотреть. Эйверт умел. Ему нужен был ответ на простой, но очень важный вопрос: притворялась бабушка в этот раз или нет.

Однако ликовать было рано: наделённая силой магическая искра отскочила от водной поверхности, как мячик – от гладкого, прочного льда, и зарядила Эйверту по лбу. Маг потёр место укола и вопросительно уставился на бабушку. Та, деловито поджав губы, молчала, но игра в гляделки не могла длиться вечно, и Хильда взорвалась:

– Да! Я ограничила применение магии в доме! А ты что хотел? И зачем вообще полез мыслями в воду? Что ты там забыл? Уж не мою ли челюсть?

Эйверт с ухмылкой отметил полный силы, звучный бабушкин голос.

– Хотел выяснить, над каким десертом колдуют на кухне. Вдруг переборщат с сахаром?! Деду вредно есть много сладкого. Опять повысится давление, и он будет страдать ночью бессонницей.

– Именно! – подхватила бабушка. – Вот именно из-за Грэга мне и пришлось погасить магию! Если бы он прознал, насколько мне плохо, его бы уже хватил сердечный удар. И ты имей в виду, Эйви: некоторое время в этих стенах можно применять лишь простейшие бытовые заклинания.

Эйверт, продолжая тереть лоб, задумчиво кивнул. Ограничения волновали его сейчас меньше всего.

– Так дед ничего не знает? То-то он так спокойно листал каталог...

– Конечно, не знает! И Иветта с Нейтом тоже наивно думают, что у меня просто виски сдавило. Иначе все трое давно бы прыгали вокруг меня, рыдали и рвали на себе волосы. В их присутствии я делаю вид, что у меня немного кружится голова. Полежу и встану. И только тебе я решила открыть всю правду. Эйви, ведь ты же единственная наша надежда! Кому как не тебе продолжать наш великий род?!

Эйверт отнял руку от головы и кашлянул в кулак.

– Есть ещё Свен.

Бабушка театрально закатила глаза и пренебрежительно фыркнула:

– Свен... Кто знает, жив ли он вообще?

– Ты сама легко могла бы получить ответ на этот вопрос. В любой момент, бабушка, если бы только захотела, – укорил Эйверторн.

– Милый Эйви, дурная жизнь непременно приводит к дурной смерти. А всё, что мы знаем о Свене, добропорядочностью язык не поворачивается назвать. Так что если твоего старшего брата постигла печальная участь, то в том нет ничего удивительного. А я не сомневаюсь, что он получил сполна. В конце концов, именно он виноват в том, что наше родовое проклятие вновь разбушевалось.

При этих словах у Эйверта с новой силой прижгло уши. А мазь он, конечно же, забыл с собой прихватить! Прикрыв правое ладонью и морщась от новой волны зуда, Эйверт всё же нашёл в себе силы заметить:

– Всё же ты несправедлива к Свену.

Хильда всплеснула руками.

– Это я-то несправедлива? Ты, видимо, забыл, как он обошёлся с нами десять лет назад? Хотя, судя по тому, как ты кривишься, ты ничего не забыл.

– От него требовали то, к чему он не был готов!

– И что в этом плохого? Именно потому, что мои родители и родители моих родителей, и родители родителей...

– ...твоих родителей, – подхватил Эйверторн, за что тут же удостоился сердитого взгляда.

– Не перебивай.

– Прости.

Хильда продолжала:

– Из поколения в поколение все наши предки безоговорочно следовали воле старших. Потому наша семья и процветает до сих пор. Потому с нами считаются все: от бургомистра до самого главы Высочайшей Комиссии. Про королевский дом я скромно умолчу.

– А я думал, мэтр Торн – просто твой хороший друг.

Глаза Хильды негодуя блеснули. Непонятно куда пропали болезненная усталость и слабость.

– Мальчик мой, к дружбе тоже нужно подходить с умом. А друзей я всегда умела выбирать, ты знаешь. Благодаря влиянию нашей семьи и правильным знакомствам сама Амелина создала для нас амулет! Кому ещё, кроме членов королевской семьи, сильнейший королевский маг оказал бы такую услугу?

О том, что услуга щедро оплачивалась легрантовскими алмазами и сапфирами, Хильда, разумеется, не сочла нужным напомнить.

Эйверторн вздохнул и отнял руки от ушей. Те предательски горели. «Как бы снова волдырями не покрылись», – с досадой подумал маг.

– Снова ты про медальон, бабушка!

– Сам напомнил про своего братца, – огрызнулась Хильда. – Подай-ка мне нюхательную соль с тумбочки. От любого воспоминания о Свене мне всегда становится дурно.

Эйверт скользнул к изголовью кровати, возле которой госпожа Легрант держала некоторые микстуры и мази. Возле пары баночек золотисто-коричневого цвета с выцветшими этикетками, вперемишку с завёрнутыми в лён травами и сушёными соцветиями лежала металлическая шкатулка. Размером она была совсем крохотная, зато сапфир на крышке своей величиной превосходил аналогичный камень в колье супруги самого бургомистра. В той шкатулке Хильда Легрант всегда хранила нюхательный табак или же любое другое средство, способное быстро и надёжно привести её в чувство, если обстоятельства того требовали. А требовали они того последнее время слишком часто.

Нюхательная соль оказалось не едкой, а с ароматом лаванды, и помогла сразу. Эйверт не успел досчитать до пяти, как бабушка задышала ровнее.

Маг дёрнулся в направлении двери.

– Я принесу воды, – сказал он, но был тут же остановлен негромким, но властным тоном.

– Не нужно. Лучше сядь-ка сюда. Вот прям сюда, на краешек кровати. Сядь и дай мне руку.

Эйверт замялся на долю секунды, но послушался. Судя по всему, свой спектакль Хильда ещё не доиграла. А может, и впрямь бурный спор отнял у неё силы: бабушкины руки были ледяными, а хватка не цепкой, а едва ощутимой.

– Эйви, – начала бабушка. Её голос местами сбивался и переходил на хрип. – Золотце, почему ты приехал один? Без невесты, о которой поставил нас в известность всего пару дней назад...

А Эйверт глубоко вздохнул и тут же поморщился: Хильда с неожиданной силой сдвинула его пальцы.

– Я объяснил причину. Я торопился. И, как оказалось, не зря. Тебе и правда плохо. Тебе бы лечь и подремать, а ты тратишь силы на болтовню. Давай позже поговорим? Как только тебе станет лучше, так и поговорим.

Пальцы снова оказались сдавлены, казалось бы, хилой старушечьей рукой, и Эйверторн понял, что сбежать из спальни Хильды Легрант ему будет сложнее, чем восстановить порядок в оранжевое ректора Оклера.

– И всё же, Эйви, ты должен был показать её мне, – бабушка говорила медленно и даже задышала со свистом. – Вдруг я так и умру, не повидавшись с той, кому предстоит рано или поздно возглавить наш род?

Эйверт на мгновение, всего лишь на долю секундочки представил девицу Керрен в любимом бабушкином кресле с высокой спинкой. Прямую, как палка, с растрёпанной косой, в форменном лавандовом платье и с язычками пламени, облизывающими пальцы. Едва заметно вздрогнул.

– Не умрёшь, бабуль. Сейчас отлежишься, потом спустишься к ужину, будешь, как всегда, элегантной и самой красивой! А если не будет сил, мы принесём ужин сюда. А с Аннабеллой... с Беллой познакомишься чуть позже. Она же никуда не сбежит от меня!

– Так значит, твою избранницу зовут Белла. Хм, имя не столь изысканное, как положено дамам нашего круга. Ты уверен, что эта девица – та, кто сможет достойно представлять нашу семью в обществе? Она не опозорит тебя?

Эйверт прикусил язык.

Он и сам не заметил, как легко подхватил начатую бабушкой тему. Как же ловко она свернула со вздохов о судьбе рода в сторону судьбы своего внука, насчёт которого, даже умирая, строила далеко идущие планы.

– Да, бабушка, мою невесту зовут Белла. Аннабелла, если точнее.

Хильда скривила губы.

– Одно другого хуже. И она точно сегодня приедет?

Эйверт кивнул со всей доступной ему уверенностью: если уж начал врать, то надо идти до конца. Сдаваться нельзя, даже если бабушка одной ногой и правда стояла в могиле. Сколько уже было случаев, когда она легко ту ногу из той самой могилы вытаскивала!

– Обещала приехать. Адрес знает, время тоже. Но вот только правильно ли затевать ужин, если тебе нездоровится? Как по мне, неудачное время для знакомства. Может, я отменю приглашение?

Последнее пришлось предложить, чтобы не ударить в грязь лицом. Шансов, что Аннабелла явится в особняк Легрантов, не было никаких. Врать можно было продолжать сколько угодно, но напольные часы тикали, кукушка разевала клюв, оглашая час за часом, и лучшим выходом было сделать вид, что приглашение посетить ужин с родней было перенесено на другой день, чем упорно твердить одно и то же и не переставать надеяться на чудо.

– Отмени, золотце, конечно, отмени, – внезапно пробормотала Хильда, и Эйверт снова заподозрил неладное. Буквально несколько минут назад его бабушка так горела желанием познакомиться с мнимой невестой... Что же произошло, что она так внезапно передумала?

– Эйверторн... – слабо позвала Хильда, и тот вздрогнул. Если бабушка назвала его полным именем – жди беды. – Мальчик мой... Я должна сказать тебе нечто очень важное. И даже страшное. Ты слушаешь меня? – Маг кивнул. – Эйверторн, наш род вымирает! Великий род Легрантов скоро развеется пеплом по ветру, и хорошо, если наши имена останутся хотя бы в Книге Почётных Горожан!

– Господин бургомистр будет рад их туда вписать, – не удержался от колкости Эйверт, за что снова получил боль в пальцах. Бабушка определённо не терпела, когда её перебивали в тот самый момент, когда она пыталась донести мысль всей своей жизни.

– Твой старший брат предал наши ценности, и единственная надежда нашего рода – это ты!

Маг мог бы напомнить, что есть ещё дядя, кузены и вообще целая шеренга родственников, жаждущих перехватить бразды правления из цепких бабулиных рук. Только с остальными Хильда и вовсе не считалась.

Сам Эйверторн на роль единственной надежды не жаждал претендовать никогда.

В этот момент он поймал себя на мысли, что бабушке хорошо бы дали речи с трибуны. Претендуй она на место бургомистра, однозначно перетянула бы на свою сторону всех избирателей. Он примирительно погладил сухую старческую кисть.

– Бабуль, я сделаю всё ради нашей семьи, но не проси меня жениться на Миларде Манхельм. Ты слегла в постель сегодня ради того, чтобы меня разжалобить?

Вопрос, заданный в лоб, заставил Хильду вскинуться на подушках.

– Да как ты мог такое подумать? Просто... так совпало!

– Ну, хорошо, если совпало. Но сватать наши семьи – не лучшая затея.

– Ты не понимаешь, от чего ты отказываешься! Я, конечно, не видела твою – как её там? – Беллу и не могу сказать о ней ничего плохого, впрочем, как и хорошего, но Милочка принадлежит к знатному и невероятно богатому роду! С Гаспаром я не так давно заключила чрезвычайное выгодное соглашение. И Милочка, между прочим, давно активно помогает своему отцу, тогда как ты...

– Рад за Милочку. И буду рад ещё сильнее, если её имя начнёт звучать реже. При одном только упоминании её имени проклятые уши горят так, что оторвать хочется оба разом.

И Эйверт яростно поскрёб многострадальные заострённые кончики. На мгновение на бабушкином лице промелькнуло сочувствие.

– И, кстати, об ушах. Ты ведь хочешь избавиться от проклятия?

Эйверторн изменился в лице.

Уши всегда были его самым слабым местом! Бабушка когда-то подшучивала над любовью невестки к эльфийской расе. До знакомства с отцом мама увлекалась остроухими созданиями настолько, что даже написала целый роман в двух томах об одном таком ушастом, безумно влюблённом в крылатую деву. История пользовалась успехом среди подруг матери, и те даже подбили Иветту на письмо главному редактору периодического издания «Крылья фантазии», чтобы на его страницах опубликовать книгу, но вмешалась бабушка и строго-настрого запретила соваться в «Крылья»: издание публиковало лишь авторов-графоманов, без должного на то образования, не способных даже разделять текст на абзацы. Засветись на его страницах имя невестки Хильды, в обществе сразу бы пошли слухи и пересуды, а бабушка гарантировано лишилась бы какого-нибудь выгодного контракта. Так что двери «Крыльев фантазии» перед Иветтой захлопнула её же свекровь, а прочие издания те двери не открыли.

Разочарования и горя несостоявшейся романистки, впрочем, никто не увидел. С любви к заострённым ушам главного героя своего романа Иветта переключилась на заботу о муже и детях и ничуть об этом не пожалела. Супруг ей достался неплохой: он был более сговорчив и менее самовлюблён в отличие от героя-эльфа. И в первые годы рождения, пока проклятие вело себя смирно, эльфийские ушки младшего сына приводили её в умиление и восторг.

Позже многострадальные конечности начали приносить массу неудобств и даже боли: проклятие ни в одном из мужчин рода не засыпало полностью и жалило рано или поздно. Магу до сих пор везло: некоторым из его рода проклятие основательно разрушило карьеру, препятствовало личному счастью. Испытать на себе полную силу древних злых слов он не хотел. Сверля Хильду пристальным взглядом, Эйверторн не выдержал и спросил:

– Ты нашла нужное заклинание? Или, может, ритуал?

Хильда церемонно поджала губы.

– Я нашла девушку, которая раз и навсегда избавит нас всех от этого позора.

– И кто же это?

– Как кто? – возмутилась бабушка. – Миларда Манхельм, кто же ещё?

Маг выдернул свои руки из бабушкиных и устало провёл ладонью по лицу.

– Это уже не смешно...

– А никто и не смеётся, мой дорогой. Раньше силу проклятия сдерживал амулет, но благодаря Свену...

Эйверт рывком поднялся с кровати.

– Вот только давай не будем про Свена! Доказательств нет!

– ...благодаря Свену того амулета у нас больше нет. Но зато сейчас появилась возможность избавиться от этого чудовищного эльфийского зла раз и навсегда! Этим шансом нужно воспользоваться.

– И этот шанс – Миларда Манхельм? Ты так в этом уверена?

– На днях мне было видение...

– Ох уж эти твои видения! Бабуленька, при всём моём уважении – трактование этих видений весьма неоднозначно! Вот бездна! Мне кажется, нюхательная соль скоро понадобится мне самому!

И Эйверт рванул на себе галстук. Красивый узел разболтался, галстук повис на шее мага дохлым ужом. Хильда обиженно поджала губы, но её тон не утратил уверенности.

– Мои видения не раз подсказывали правильные решения для семейного бизнеса. Уберегали от ошибок и сомнительных сделок, указывали на выгодные вложения.

– И они указали на девицу Манхельм как на выгодное вложение?

– Последнее видение трактуется однозначно: что проклятие со всех мужчин нашего рода раз и навсегда снимет девушка, приглашённая на сегодняшний ужин. А из всех девушек нашего мира я сегодня приглашала только Милочку.

– Вот почему вы все так засутились, – неприязненно фыркнул Эйверт.

Дымок, приплывший с первого этажа на второй, причиной которого стал подгоревший картофельный гратен, вырисовал в воздухе пухлые щёчки Миларды Манхельм. Так и хотелось схватить с туалетного столика бабушки что-нибудь острое, например, шпильку для волос, и проткнуть те щёки, но Эйверт сдержался.

– Так утка всё же ради Манхельмов...

– И ради нашего будущего, золотце. Отправь шмеля этой своей Аннабелле, что наше знакомство сегодня не состоится, а ещё лучше – не состоится никогда, а сам останься на ужин, пообщайся с Милочкой, и она обязательно тебе понравится! В этот раз точно!

– Бабушка, по-твоему, то, что ты просишь меня сделать, правильно? Разве так должен поступать настоящий мужчина?

– Я понимаю, дорогой, что тебе может казаться, что я слишком жестока. Возможно, ты и правда влюблён в ту девчонку, которую непонятно где отыскал. Но пойми: из всех вечных вещей любовь длится короче всего. А прочные деловые отношения вкупе с нормальным человеческим видом перейдут не только твоим потомкам, но и следующим поколениям. Пора подумать о семье. Ты слышишь меня, Эйви?

Эйверторн рассерженно посмотрел на бабушку. Та больше не была бледна лицом и тускла глазами – вкушая ароматы, доносившиеся с кухни, крылья её носа расширились, щёки порозовели, и в глазах появился прежний блеск, свойственный той самой Хильде Легрант, которую Эйверт всегда знал, могущественной и непоколебимой.

– Зря я приехал, – зло выплюнул Эйверт и подался к выходу.

Не терпелось спуститься на первый этаж и, не прощаясь даже с родителями, выскочить в сад, вдохнуть сладкого запаха роз и тут же рвануть обратно в академию. Зарыться с головой и ушами (чтоб их!) в самостоятельные и контрольные и не выныривать из магических формул как минимум до следующего утра.

– Эйверторн, остановись! – В голосе бабушки звякнул металл, совсем несвойственный смертельно больному человеку.

Однако Эйверт не слушал. Магические искры сорвались с его рук, и дверь распахнулась, пропуская мага в коридор. По лестнице он спускался, перепрыгивая через ступеньки, и на первом этаже его встретили всполошённые родители, к которым даже присоединился дед, окончательно определившийся, что к выбранным сортам роз нужно будет ещё заказать семена лилового выюнка. Последний отлично украсит террасу.

Перепуганная родня не дала Эйверту прорваться к выходу на улицу, а отец без экивоков спросил:

– Что произошло? Я слышал крики. Это кричала... мама?

Эйверт резким кивком указал на второй этаж.

– Советую прогуляться вверх по лестнице. Бабуля умирает.

Госпожа Иветта побледнела.

– К-как умирает? Сегодня?!

– Опять? – возмущённо воскликнул отец.

Эйверторн хмыкнул.

– А как же Манхельмы? – растерялся дед. – Мы не можем одновременно отмечать помолвку Эйверта с Милочкой и смерть Хильды... Да пребудут с ней облака!

Ледяной голос прогремел с высоты второго этажа и подействовал на семью, как холодная вода на сцепившихся кошек.

– Помолвке быть. Манхельмы будут здесь в положенный час.

Грэг Легрант, Иветта и Нейт задрали головы.

Хильда Легрант стояла, опустив руки на перила, и укоризненно смотрела на собравшихся внизу. На всех сразу. Её плечи были расправлены, спина выпрямлена, а подбородок приподнят, словно она собиралась вещать нечто важное, и тем важным было не завешание. Поверх домашнего платья, в котором Хильда встречала внука, была накинута дорогая вязаная шаль длиной в пол. Эйверт тут же вспомнил, что, находясь в спальне бабушки, нигде рядом с кроватью той шали не видел. Выходит, «умирающей» бабуле вполне хватило сил дойти до встроенной в комнату гардеробной и выбрать наряд попомпезней.

Эйверт набрал в лёгкие воздуха, чтобы отправить всех Манхельмов, и утку с ними, прямиком в бездну, но его вопль был остановлен самым обычным стуком в дверь. От которого вздрогнули все, включая пробежавших под лестницей Хлою и Мару. Всех, кроме царственно застывшей наверху Хильды.

Стук вышел негромким и даже немного робким. Господин Гаспар Манхельм касался медной колотушки вовсе не так. Вероятно, ему уже донесли о выходке почти жениха, и это известие поубавило силы в его руках.

– Это Манхельмы! – встрепелась Иветта. – Где же Оливер? Почему не открывает? Где дворецкий?

Стоявшая наверху Хильда недовольно пошевелила губами, скорее всего неслышно ругаясь. Она никогда не терпела бардака в доме, а именно он в полной красе назревал этим вечером.

– Я отправил Оливера в оранжерею срезать гербер для украшения стола, – произнёс растерявшийся Грэг.

Иветта всплеснула руками.

– Но Оливера нельзя посылать в оранжерею! Он вечно пропадает там на час.

– Это потому что он до сих пор не научился отличать герберы от ромашек, – со знанием дела пробасил Нейт.

– Потому я его и отправил, – признался дед. – Когда-то же ему надо учиться различать цветы.

– Со справочником садовых растений? – язвительно уточнил отец.

Эйверт молча закатил глаза.

Бессмысленную болтовню остановила бабушка.

– Эйверторн откроет! – приказала она. – И поприветствует будущих жену и тестя как следует! А я скоро спущусь. Мне надо привести себя в порядок. Оказывается, очень тяжело носить на лице столько пудры и не иметь возможности даже губы помадой подкрасить. Хлоя! Хватит греть уши, живо поднимайся ко мне, поможешь с платьем!

Одна из служанок резво метнулась вверх по лестнице.

Стук в дверь снова повторился.

Преисполненный паники Нейт Легрант с ужасом в глазах посмотрел на сына.

– Эйв, мальчик мой, разве Миларда Манхельм – уже твоя жена? У тебя же была невеста... И ты обещал её сегодня нам представить.

– И представил бы, – огрызнулся Эйверт, – если бы не бабушкина выходка.

– Так ты откроешь дверь? – спросил внука дед.

– Открою, – бросил тот и рванул к входу. – Открою и тут же уеду. Разбирайтесь сами с Манхельмами! По пути перехвачу свою невесту и отобедаю с ней в каком-нибудь уютном ресторане, где не подают утку и где нет сующей во всё свой нос родни!

Огорчение, что Аннабелла проигнорировала всех его шмелей, прошло напрочь. Её поступок в итоге оказался Эйверторну на руку. Страшно было представить, что случилось бы, согласись Керрен подыграть. Заявись она в дом вместе с ним да ещё в качестве его невесты, бабуля Хильда сжила бы её со свету. Кто знает, насколько крепки нервы Аннабеллы? Возможно, она не вытерпела бы натиска и сдалась. А так... так Эйверт умело довёл своё вра-

нё до конца, и выдуманная невеста оказалась единственным действенным способом быстро и эффектно удрать с назревающей «вечеринки». Оставалось только дверь открыть. Этим Манхельмам... Этой Милочке... чтоб её дракон проглотил!

И маг дёрнул на себя дверь. Та распахнулась и уронила на Эйверта волшебной пахнущую фрезиями девушку, крепко державшуюся за медный дверной молоточек в виде обвитого плющом кольца.

Эйверторн, не задумываясь, красавицу подхватил. Ударившаяся же лбом об его грудь девушка подняла голову, убрала с лица выбившиеся из причёски своевольные светлые прядки и выдохнула:

– Я согласна!

Глава 7

днём ранее

Аннабелла с трудом помнила, как покинула кабинет мастера Легранта, а затем и преподавательское крыло. Чудом не сбив никого в коридорах и на лестнице, девушка просто бежала, не разбирая дороги и дрожа от негодования. Очнулась уже в какой-то пустеющей аудитории, абсолютно не соображая, как её туда занесло.

Ярость сменилась паническим страхом. Аннабелла не только не сумела решить проблему, но и усугубила её всего одним ударом. Удовлетворение, что отменной оплеухой поставила наглеца на место, быстро улетучилось. Как исправлять ситуацию, девушка не знала от слова совсем.

Разговор выбил почву из-под ног. Он получился полным разочарования и неприятных открытий, хотя не без огонька. Вспомнив, как подпалила стол и одежду Эйверторна Легранта, девушка улыбнулась, но улыбка быстро сползла с губ.

Как хотелось повернуть время вспять, к тому самому моменту, когда в голову пришла злополучная идея позаниматься самостоятельно в ректорской оранжерее! Но играми со временем и изменением реальности не занимались даже самые сильные маги, а Аннабеллу и магом-то пока нельзя было назвать, даже с натяжкой, даже с поправкой на упорство и прилагаемые усилия.

А ведь Кайл предупреждал! Отчаянно намекал, что просьба мастера Легранта встретиться со студенткой Керрен наедине может быть не так невинна, как кажется на первый взгляд. Аннабелла тогда ещё фыркнула на эти слова друга, а тот, розовея ушами и всеми веснушками, спешил донести до подруги истину.

– Слухи ходят разные, – мрачно бурчал парень. – Не подумай, что я нагнетаю, ведь своими глазами не видел, но дыма без огня не бывает, и на пустом месте болтать не стали бы. Ты никогда не думала, что перевод такого блестящего, великолепного со всех сторон мастера из столичной академии к нам да ещё посреди учебного года произошёл не просто так, а по какой-нибудь причине? Пикантной такой причине! Наверняка, Легрант был замешан в каком-нибудь скандале. А Оклер прикрыл своего любимчика и быстро перетасил под своё крылышко.

Аннабелла не спешила верить намёкам, но Кайл не сдавался:

– Мало того, что он высокомерный индюк, так ещё и молодой здоровый мужик со своими... эээ... потребностями. Неженатый, насколько мы знаем, и с дамой сердца не замеченный. Зато придирается к студентам часто и к девушкам в том числе. Пересдачу всегда принимает лично, вызовы к нему в кабинет – обычное дело. Мало ли в какой обстановке и каким способом он... ставит зачёт. Я подчёркиваю, Белла, это только слухи, но прошу быть осторожной. Я бы не хотел, чтобы ты пострадала. Давай я пойду с тобой, подожду у дверей. Так будет спокойнее.

Аннабелла тогда горячо поблагодарила приятеля за поддержку и участие, но от помощи, поразмыслив, отказалась: мастер Легрант не произвёл на неё впечатления любителя превышать полномочия, да и шла она не к нему домой, а в кабинет. Заверив Кайла, что будет начеку, поторопилась на досадную встречу.

Однако именно слова Кайла пронзили голову молнией, стоило Белле переступить порог кабинета, в котором ей прежде никогда не приходилось бывать. Любопытствующий взгляд из всей обстановки почему-то выхватил полуоткрытую дверь, ведущую в отдельную комнатку, где среди прочей мебели легко угадывалась... кровать! Аккуратно застеленная тёмным покрывалом, она мгновенно приковала к себе внимание и вызвала целый рой пренеприятных ассоциаций. А потом и сам мастер Легрант подлил масла в огонь, выйдя к Белле в несколько фри-

вольном виде: без пиджака, жилетки и галстука, в одной сорочке, и ту не посчитал нужным застегнуть на все пуговицы. И одарил девушку длинным оценивающим взглядом.

И весь разговор пошёл у них не так.

«Подари мне вечер!»

Можно ли было понять его слова как-то иначе?! Пощёчина досталась этому похотливому лицемеру заслуженно!

Однако сколь бы правильны ни были мысли, на сердце у Аннабеллы было тяжело. Однозначно следовало начинать собирать вещи. Сомнений не оставалось: Легрант расскажет ректору всё, ещё и сверху добавит. А объясняться перед главой академии и уж тем более раскрывать перед ним непристойные факты о его любимчике было тем ещё бесполезным делом. Очевидно же, на чьей стороне будет господин Оклер.

Прокрутив всё свершившееся в голове, Аннабелла тяжело вздохнула и выбралась из укрытия. Понуро поплелась в общежитие, по пути вспомнив, что отмеренные Легрантом два часа истекли и наложенные им блоки на бушевавший в крови дар больше не действовали. Но сила в тот момент вела себя смирно: огонь, явивший себя во всей красе при высокомерном хлыще, притих задремавшим котёнком.

Разыскивающих её по всей академии Бердис и Кайла Аннабелла, как могла, успокоила. Ничего не рассказав о неприличном предложении преподавателя (вспоминать – гадко, озвучивать – стыдно), поведала о вырвавшемся пламени, а затем нацепила браслеты, принесённые бдительной подругой, и хотела вернуться на место преступления, то есть неудачного колдовства, надеясь, что вдруг застанет там некое чудо, но её не пустили. Шу уезжали домой на выходные и сильно торопились: уже и коляска, присланная родителями, ожидала их у ворот академии. Звали с собой: в гостеприимном доме семейства Шу Аннабеллу сумели бы отвлечь от свалившихся горестей. И обсудить проблемы в спокойной доброжелательной обстановке они могли бы все вместе, и вдруг нашли бы дельное решение? Но девушка, покачав головой, отказалась: не хотела мешать, да и выполнение домашнего задания никто не отменял. Тогда брат и сестра потребовали от Аннабеллы пообещать, что она в их отсутствие и шага не сделает в сторону оранжереи, ни в браслетах, ни без. А Шу обещали вернуться послезавтра к обеду и постараться найти выход.

– Мы обязательно что-нибудь придумаем! – Бердис говорила искренне и звучала уверенно. – В конце концов, я сама пойду к господину Оклеру просить за тебя. Тебе необходимо продолжать учёбу!

Аннабелла не спорила, а когда Шу уехали, вернулась к себе.

В комнате её ждал сюрприз в виде полосатого магического насекомого, почтового шмеля. Небольшого и очень изящного, сотворённого с филигранной точностью. Нехорошее предчувствие не подвело: записка прилетела от Легранта.

Вспыхнув, Аннабелла затолкала надоедливого, жаждущего побыстрее раскрыться посланием крылатика в коробку, где хранила нехитрый запас косметических средств. В частности, там всегда находился эликсир «Прелесть» – отличное средство стирать следы хронического недосыпа. Жаль, что он давал лишь внешний эффект – лучше бы вливал хоть капельку столь необходимой бодрости. Читать письма от Легранта Аннабелла не желала категорически, какие бы аргументы в пользу своего предложения тот ни приводил.

В тот вечер ей удалось отвлечь себя занятиями: девушка до темноты просидела в библиотеке, подбирая материал для будущего доклада, перед сном снова и снова повторяла особо заковыристые формулы, но с опробованием теории на практике рисковать не стала. Невезение и так уже доставило уйму неприятностей, ещё одно было точно лишним.

Когда, позёвывая, Белла принялась убирать на полки книги и учебники, в ладони ей шлёпнулся ещё один почтовый посланник, трепеща полупрозрачными переливающимися крыльшками. Этот тоже явился от мастера Легранта, будь он трижды неладен! Понимая, что содер-

жание письма напрочь испортит настроение, и без того далеко не радужное, Аннабелла и это насекомое смахнула в коробку и легла спать. Снились ей говорящие жабы, розовые и голубые, в пупырышек и без, и прыгающие по парковым дорожкам ирисы.

Наутро Аннабелла не без опаски покидала свою комнату: почему-то казалось, что о вчерашнем происшествии уже болтают. Но всё оставалось тихо. Ни оранжерея, ни имя Легранта в ленивых разговорах оставшихся в академии студентов не всплывало.

Позавтракав и поболтав с девчонками из параллельной группы, Белла прогулялась на свежем воздухе. Её так и манило свернуть к оранжерее, но, стоило подойти ближе, ноги сразу становились ватными. Страшась каждого шороха, Аннабелла боялась выдать себя даже одним своим присутствием на месте вчерашней катастрофы.

Новый шмель застиг девушку прямо на улице. Мастер Легрант не иначе как в письменном красноречии упражнялся! Зажав посланника в кулаке, Аннабелла прошла к себе и затолкала ни в чём неповинное магическое насекомое к первым двум. Вчерашний ужас сменился лёгкой апатией. «Будь что будет», – решила Белла и просидела за учебниками до самого обеда, а потом...

Аннабелла прервалась на обед и снова дошла до здания столовой, почти пустой в выходной день. Неспешно выбирая блюда и особо тщательно – десерт, краем уха услышала обрывки разговора, от которых по спине пробрало трескучим морозом. Дёрнувшись, досчитала про себя до пяти и осторожно скосила глаза в сторону, где за столом в центре зала болтали незнакомые парни, кажется, уже одной ногой выпускники. Их было трое, и если поначалу все они говорили вполголоса, то совсем скоро разошлись не на шутку.

– Ох, как же он орал! – воскликнул один из троицы, а Аннабелла, нервы которой со вчерашнего дня были словно натянутая струна, полностью обратилась в слух.

– Да? Здорово вышел из себя? – спросил второй парень, не прекращая орудовать ножом и вилкой.

– Не то слово! Стены сотрясались от его воплей! Грозился приехать, найти виновного и устроить ему та-а-кое!

Поднос едва не выпал из ослабевших рук Аннабеллы. Десерт был забыт.

Оклер узнал про свои цветы, и Оклер в ярости.

А ей несдобровать. И никакие мольбы верных друзей Бердис и Кайла Шу её, Аннабеллу Керрен, не спасут.

Как во сне, девушка приткнула полный еды поднос на какую-то ровную поверхность и пошла прочь. Очнулась в своей комнате, в кресле, куда забралась с ногами. Мысли хаотично прыгали, но ни одна не была дельной.

Это был конец. Конец её мечтам и планам. И как магу ей тоже – конец.

Выбравшись из кресла, Аннабелла заходила по комнате, пытаясь найти хоть какой-нибудь выход. Взгляд упал на пол возле двери. Там белел бумажный прямоугольник, ранее ею не замеченный. Девушка подняла конверт. Лаконичная надпись «Госпоже Керрен» поймала на себе лучик солнца, пробившегося сквозь оконное стекло и тоненькую полупрозрачную занавеску, и ослепительно блеснула: чернила, которыми вывели буквы, были не из дешёвых.

Белла с недоумением повертела в руках конверт. Немного поколебалась, но всё же открыла. Внутри плотной непросвечивающей бумаги оказался плоский кожаный кошелёк с несколькими монетами. Аннабелла моргнула: сумма в кошельке была приличной. И ни карточки, ни пояснения. Не от тётки Мэрион же пришло такое богатство! И точно не от Бердис: та обязательно приложила бы записку. А больше так радовать её было некому. Не Легрант же эти деньги прислал! А что, если он? Решил намекнуть на побег? Или, может, захотел купить её молчание?

Задыхаясь от волнения, Аннабель рванула к тумбочке. Вытащила коробку, открыла и выпустила в комнату обезумевших от долгого сидения взаперти шмелей. Те даже жужжали,

как настоящие, разве что жалить не умели. Кто-то из них (а, может, даже и все вместе) точно должен был пролить свет на все это блестящее «безумие», которое обескураженная девушка сейчас держала в руках.

Первое послание пришлось перечитать дважды: *«Аннабелла, исходя из вашей реакции, я понял, что мои слова вы восприняли не совсем верно. Ничего оскорбительного в моей просьбе не содержалось. Завтра в доме моей семьи состоится ужин, на который я хотел пригласить вас в качестве гостей. Именно об этом вечере я и говорил, ничего другого не имел в виду. Если в моём кабинете вы по какой-то причине чувствовали себя неудобно, то давайте через час встретимся у кустов гортензии, где я нашел вас сегодня. Делиться подробностями своей просьбы с бумагой не хочу, а дать вам исчерпывающие объяснения необходимо. Очень жду. Э. Легрант».*

Аннабелла растерялась. Никаких извинений письмо не содержало, но и его общее содержание не имело ничего общего с оскорблением её чести. Ужин в кругу семьи? Всего-то? Звучало так просто, что хотелось с облегчением рассмеяться, но если подумать... А зачем она ему там? Подсказывать, какой вилкой есть салат, а какой – рыбу? Разве он сам с этой элементарной задачей не справится?

Надеясь, что следующий шмель прольёт свет на загадку, Белла нажала на спинку второго крылатика. Тот послушно раскрылся коротким посланием: *«Аннабелла, я всё ещё прошу вас о встрече. Приглашение на ужин, о котором я писал ранее, остаётся в силе. И я хотел бы обсудить с вами важные детали. Прошу, не отказывайте мне и дайте шанс ещё раз всё объяснить при личной встрече. Жду вас утром при входе в городской парк, у ворот с кентаврами, в десять часов. Полагаю, будет не очень рано? Э. Легрант».*

И в этом послании магистр-сноб звучал крайне вежливо. И те слова, которые он выбрал для письма, не содержали никаких угроз в адрес Беллы, никакого злорадства по поводу случившегося в оранжерее и не имели ничего общего с тем образом, который перед девушкой нарисовал Кайл. Но тем не менее всё это было столь странно, нелепо и подозрительно, что Белла совсем не знала, что и думать. Наибольшее недоумение вызывало обращение к ней, Аннабелле. Почему свою просьбу Легрант озвучил именно ей? Покачав головой, потянувшись к третьему нетерпеливо подпрыгивающему насекомому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.